

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И НАСЛЕДИЯ Г.С. ЛЕБЕДЕВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XXI В.)

Лебедевские исследования в дореволюционной России

Никакими сведениями о реакции русского общества на выход в свет главного труда Г.С. Лебедева «Безпристрастное созерцание» [Лебедев 1805] мы не располагаем. Если книга и была замечена широкой публикой, реакция едва ли была положительной. Язык Лебедева даже для конца XVIII в. был крайне архаичен, а карамзинская реформа русского языка тем более сделала текст книги неудобочитаемым, хотя он и подвергся незначительной «модернизирующей» правке.

Тем не менее и книга, и богатая приключениями биография Г.С. Лебедева, по-видимому, привлекли внимание по крайней мере некоторых петербургских ученых. Иначе трудно объяснить тот факт, что всего через год после выхода «Безпристрастного созерцания» известный немецкий лингвист Иоганн Кристоф Аделунг (1732–1806) опубликовал кое-какие сведения о Лебедеве и упомянул обе его книги в первом томе своего четырехтомного труда «Митридат, или Общее языкознание с краткими замечаниями о пятистах языках мира и переводами молитвы “Отче наш” на эти языки» [Adelung 1806–1817]. Биографические данные о Лебедеве здесь большей частью недостоверны. Но очевидно, что они получены из России, скорее всего от племянника И.К. Аделунга, петербургского историка, филолога и библиографа Фридриха (Федора Павловича) Аделунга (1768–1843). По-видимому, младший Аделунг передал старшему в основном слухи, ходившие в Петербурге о Лебедеве. Приводим текст из книги «Митридат»:

Сюда же относится составленная надворным советником Его Императорского Величества Герасимом Лебедевым «Грамматика чистых и смешанных диалектов Восточной Индии...». Ее автор в течение нескольких лет был директором театра у Великого Могола. Этот незаурядный человек происходил из крестьянского сословия и был родом из Украины. Поскольку он с юных лет проявил склонность к музыке, его господин, граф Разумовский, который направлялся в качестве российского посла в Неаполь, взял его с собой в Италию. Там он особо преуспел в игре на виолончели. Через какое-то время Лебедев оставил Разумовского и отправился в Париж. Не добившись там успеха, он перебрался в Лондон и поступил на службу к некоему лорду, которому предстояло вскоре занять пост губернатора в Индии. Лебедев последовал за своим новым господином в Калькутту. Он быстро выучил местный язык и благодаря своему музыкальному таланту приобрел много полезных знакомых среди именитых горожан. Благодаря своим связям ему удалось открыть собственный театр, а позднее стать театральным директором у Великого Могола. Он пробыл в Индии двадцать лет, после чего вернулся в Европу, свел знакомство с несколькими влиятельными персонами, и благодаря их рекомендательным письмам ему удалось издать свою «Грамматику» в Лондоне. Лебедев был представлен послу России графу Воронцову. Тот снабдил его самыми лестными рекомендациями, и по приезде в Санкт-Петербург Лебедев был зачислен в Коллегию иностранных дел с жалованием 1800 рублей (в год), а также получил в дар от Государя Императора сумму в 20 000 рублей. На эти деньги он открыл собственную санскритскую типографию, где вскоре был издан его труд об источниках брахманской мудрости [Adelung 1806: 184–186].

Из всего этого неоспоримыми фактами являются только издание Лебедевым двух книг и сумма его жалования в Коллегии иностранных дел. Лебедев не был директором театра у Великого Могола, происхождение его до сих пор точно не установлено, надворным советником он стал только в 1811 г. (через пять лет после смерти И.К. Аделунга), до Италии с Разумовским не доехал, прежде чем появиться в Париже, долго гастролировал в других европейских странах, в Индию ехал не как служитель у «некоего лорда», а как независимый музыкант, пробыл в Индии не двадцать лет, а двенадцать и т.д.

Через девять лет после выхода в свет первого тома «Митридата» написал о Г.С. Лебедеве и сам Аделунг-младший. В его опубликованной в Петербурге книге «Заслуги Екатерины Великой в области сравнительного языкознания» [Adelung 1815] Лебедеву посвящены один абзац основного текста и два пространных примечания. В основном тексте сказано:

Герасим Степанович Лебедев — надворный советник в Коллегии иностранных дел. После двадцатилетнего пребывания в Индии он в 1801 г. приехал в Лондон, где опубликовал на английском языке составленную им Индостанскую грамматику. По возвращении в Санкт-Петербург получил от Государя Императора значительную сумму на открытие специальной типографии, где предполагалось опубликование привезенных им с собою доселе неизвестных образцов из сокровищницы санскритской словесности. До настоящего времени эти его надежды остаются неосуществленными.

К словам о «двадцатилетнем пребывании в Индии» дано примечание:

Вместе с неким богатым англичанином он прибыл в Калькутту. Здесь ему посчастливилось благодаря музыке самому нажать небольшое состояние. Вскоре он приступил к изучению местных языков, и у него возникла идея познакомить жителей Калькутты с пьесами европейского образца. С этой целью Лебедев решил основать свой собственный театр. На изучение санскрита, бенгальского, тамильского и малабарского языков у него ушло шесть лет, после чего на все эти языки он перевел с английского несколько пьес. В работе над переводами он постоянно пользовался помощью и советами местных знающих эти языки людей, и когда наконец состоялось открытие театра, то это событие было воспринято доброжелательно и вызвало большой интерес. Вечерами люди заполняли зрительный зал, чтобы смотреть пьесу, каждый акт в которой исполнялся то на одном, то на другом языке. Представление вызвало такое восхищение публики, что это навлекло на Лебедева немилость руководителей всех прочих театров города. Они не успокоились, пока своими интригами не добились уничтожения театра. В конце концов, опасаясь утраты свободы и полного разорения, Лебедев, пока у него оставались какие-то средства, почел за благо уехать из страны.

Во время своего первого плавания в Индию мой добрый друг господин Крузенштерн лично встречался с Лебедевым в Калькутте. Именно через него я и смог получить эти сведения и, таким образом, уточнить ту информацию, которая была о Лебедеве в «Митридате».

О существовании театра Великого Могола, руководителем которого якобы был Лебедев, не может быть и речи. В настоящий момент единственный и последний представитель династии Моголов является узником. К тому же он слеп. Вероятно, результатом подобного заблуждения стало имеющееся в моем распоряжении весьма странное письмо. Оно написано на французском и адресовано «бывшему директору придворного театра Великого Могола, директору новой индийской типографии в Санкт-Петербурге господину Лебедеву». Письмо отправлено из Страсбурга и содержит грандиозный план создания специальной типографии для издания текстов на санскрите и других языках на совместных началах. Проект предусматривал переводы лучших образцов мировой литературы ради просвещения народов, живущих на берегах Ганга [Adelung 1815: 205–206].

В этом примечании содержится косвенное признание автора в том, что именно от него исходили посланные дяде, Аделунгу-старшему, недостоверные сведения, в частности сообщение о «театре Великого Могола», основанное на документе, который находился в личном владении младшего Аделунга. В своей же книге он стремится по возможности исправить неточности, опираясь на сведения, сообщенные ему И.Ф. Крузенштерном, и, по-видимому, на предисловие Лебедева к его грамматике. В двух других примечаниях он приводит полные названия «Грамматики» (на английском)² и «Безпристрастного созерцания» (на рус-

---

² Полное английское название «Грамматики» см. в списке литературы в конце книги. Здесь же приведем его русский перевод: «Грамматика чистых и смешанных диалектов Восточной Индии с добавлением диалогов, используемых во всех восточных странах; систематизирована в Калькутте согласно принципам брахменской системы шамскритского языка; включающая буквальные разъяснения сложных слов и иноказательных фраз, необходимые для постижения идиоматики данного языка и проч.; предназначена для использования европейцами; с замечаниями по поводу ошибок в прежних грамматиках и диалогах на смешанных, мавританских или маврафийских (Moorish or Moors') диалектах, составленных различными европейцами, вкпе с воспроизведением утверждений сэра Уильяма Джонса касательно шамскритского алфавита и несколькими образцами

ском языке: «Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. Всеавгустейшему Монарху посвящается. По Высочайшей Воле Его Императорского Величества напечатано в Санкт-Петербурге, в типографии Герасима Лебедева в 1805 г. с одной литографией и двумя виньетками»).

Интерес Ф. Аделунга к творчеству Г.С. Лебедева свидетельствуется тем, что в его архиве сохранился французский перевод «Введения» к лебедевской «Грамматике». Х. Мамуд вслед за В.С. Воробьевым-Десятовским [Воробьев-Десятовский 1956: 40] ошибочно считает этот перевод выполненным самим Лебедевым. Но Герасим Степанович французского, судя по всему, не знал. Этот перевод говорит не о том, что «Лебедев владел французским» [Мамуд 2012: 201], а скорее о том, что Ф. Аделунг, возможно, был не силен в английском. Отсюда могли возникнуть и некоторые ошибочные утверждения в тексте Ф. Аделунга, например о «двадцатилетнем» пребывании Лебедева в Индии или о том, что Лебедев перевел «на все эти языки» («санскрит, бенгальский, тамильский и малабарский») «несколько пьес». О том, что Ф. Аделунг продолжал интересоваться Лебедевым и после издания книги о «заслугах Екатерины Великой», свидетельствует присутствие в его архиве, хранящемся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, набело переписанной и переплетенной копии лебедевского перевода пьесы «Притворство» [ОР РНБ. Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 79]. Скорее всего, эта рукопись попала в руки Аделунга уже после смерти Г.С. Лебедева в 1817 г. [Воробьев-Десятовский 1956: 66].

Первая биографическая статья о Г.С. Лебедеве в русской печати появляется в 1832 г. в альманахе «Воспоминания», издававшемся литератором и историком С.В. Руссовым (см. о нем: [Смирнов 1918]). Статья «Путешествие Герасима Лебедева в Индию» [Воспоминания 1832: 64–78] подписана инициалами Н.М.³ Впервые она дает обстоятельную и в основном достоверную

восточной поэзии, опубликованными в «Азиатских исследованиях». Сочинение Герасима Лебедева (Herasim Lebedeff), Лондон, типография Дж. Скирвена, 1801».

³ Высказывалось предположение [Ямпольский 1973: 240], что автором ее был археолог и палеограф А.Ф. Малиновский, занимавшийся около этого времени русско-индийскими связями [Малиновский 1837].

картину жизни и деятельности Г.С. Лебедева, опираясь на текст «Безпристрастного созерцания». Автор статьи не только черпает оттуда биографические данные о Лебедеве, но и отмечает некоторые существенные особенности содержания книги. В частности, одним из «наиболее примечательных разысканий» Лебедева ему кажется следующее: «Книга о Богопознании индейцев есть не иное что, как Библия; или книги Священного писания Ветхого и Нового Завета, по временам перепорченные и смешанные с языческими мнениями» [Воспоминания 1832: 69]. Здесь подмечена специфика восприятия Г.С. Лебедевым индуизма как наследия богооткровенного «адамического» прамоотеизма, «первоначального христианства», о причинах и существо которой будет сказано далее в этой книге. Статья из альманаха С.В. Руссова свидетельствует, что главный труд Лебедева не остался без отклика в русской литературе и культуре, чего можно было бы опасаться: 27 лет спустя после выхода в свет «Безпристрастного созерцания» эта книга еще могла найти заинтересованного, размышляющего над нею читателя.

Именно к статье в альманахе С.В. Руссова восходит, по-видимому, короткая статья о Герасиме Лебедеве в «Словаре русских светских писателей» митрополита Киевского и известного ученого Евгения (Болховитинова):

Лебедев Герасим, коллежский ассесор, бывший несколько лет в Ост-Индии при Ост-Индской компании, сочинил и издал на русском языке *Безпристрастное созерцание⁴ систем Восточной Индии Брамгенов, Священных обрядов их и народных обычаев*, в 3 частях, напеч. 1805 г., в С.-Петербурге; а также на английском языке *Грамматику Индейского языка* [Евгений 1845: 4].

Словарь был издан М.П. Погодиным после смерти митрополита Евгения (1767–1837), а составлялся в последние годы жизни автора, т.е. в годы, непосредственно следующие за изданием «Воспоминаний на 1832 год».

Много лет спустя крохотная статья о Лебедеве в словаре митрополита Евгения вкпе с книгами старшего и младшего Аделунгов

---

⁴ В словаре опечатка: «сокращение».

послужила источником для статьи в «Справочном словаре о русских писателях и ученых» Г.Н. Геннади:

Лебедев Герасим Степанович. После 20 летнего пребывания в Индии он издал в 1801 г. в Лондоне книгу: *A grammar of the pure and mixed East Indian Dialects*, 4°. Будучи в Калькутте, устроил театр, и одна из драм, переведенных им с английского на бенгальский, *Притворство*, хранится в СПб. пуб. библиотеке. По возвращении в Петербург он служил в мин-ве ин. дел и, получив из казны 20 000 р. на заведение типографии для печатания своих рукописей, напечатал в ней книгу: *Безпристрастное созерцание систем восточной Индии брамгенов, обрядов их и народных обычаев*. 1805, 4°. С рис. В 1815 значится кол. советником [Геннади 1880: 220].

Ссылки даны на словарь митрополита Евгения, книгу Ф. Аделунга и на предисловие Лебедева к «Безпристрастному созерцанию». Г.Н. Геннади воспроизводит некоторые ошибки предшественников: «двадцатилетнее пребывание в Индии», 20 000 рублей на печатание трудов (в действительности выдано из казны было 10 тысяч), и добавляет свою: «В 1815 значится кол[лежским]. советником» (Лебедев с 1806 г. был коллежским ассесором, с 1811 г. — надворным советником. «Коллежский советник» — это следующий, более высокий ранг). Но при этом Г.Н. Геннади вводит и новую, вполне достоверную информацию: о том, что лебедевский перевод «Притворства» хранится в Публичной библиотеке (ныне РНБ). Согласно В.С. Воробьеву-Десятовскому, «рукопись эта, очевидно, после смерти Г.С. Лебедева была приобретена Ф.П. Аделунгом и затем в составе его коллекции поступила в Публичную библиотеку в Петербурге [Воробьев-Десятовский 1956: 66, примеч. 7]. Ф.П. Аделунг скончался в 1843 г., и вскоре его книги и рукописи были переданы в библиотеку.

В тот же год, что и маленькая словарная статья Г.Н. Геннади, появляется в журнале «Исторический вестник» большая статья о Г.С. Лебедеве известного историка литературы и культуры, журналиста, театрального критика Ф.И. Булгакова. Это уже не просто пересказ сведений, сообщенных самим Герасимом Степановичем в своих сочинениях, а подлинно исследовательская работа, опира-

ющаяся, помимо прочего, и на рукописные материалы. В примечании на первой странице статьи Ф.И. Булгаков пишет:

При составлении настоящего очерка мы пользовались любезно предоставленными в наше распоряжение рукописными документами, принадлежащими князю П.П. Вяземскому. Вот перечень и содержание этих любопытных документов, заключающихся в пяти больших переплетенных тетрадах: 1. Memorandum на английском языке, вкратце представляющий все превратности судьбы, постигшие Лебедева во время пребывания его в Индии. В той же тетради помещен перевод на бенгальский язык комедии «Притворство» параллельно с английским переводом и русской транскрипцией. 2. Переписка Лебедева по поводу уничтожения построенного им в Калькутте театра: на русском языке — обширное письмо к отцу Андрею Афанасьевичу Самборскому; письмо к полномочному посланнику в Лондоне графу С.Р. Воронцову и письмо к о. Якову Ивановичу Смирнову; на английском языке — переписка с местными судебными местами. 3. Третья тетрадь заключает в себе обширный труд, нечто вроде сравнительной грамматики и словаря в области языков гиндустани, бенгальского, английского и русского; индийский календарь и изложение арифметических действий. 4. Не менее обширный труд, свидетельствующий о замечательной усидчивости и любознательности Лебедева, представляет собою подстрочный перевод с русской транскрипцией «Бидде Шундор» (Красота Мудрости), сочинения «Брагмена Шри Бгарот Чондро Рай, по просьбе Бордгманскаго государя, именуемого Бир-Шинго, на бракосочетание его дочери Бидде Шундор». 5. Пятая тетрадь заключает в себе любопытные афиши и воззвания к местной публике поощрить предприятие Лебедева посещением его театра, а также изложение пьесы «Притворство» на бенгальском и английском языках. Сверх того материалом служила нам книга, составленная Лебедевым и изданная им в 1805 году в Петербурге, в его типографии, по «высочайшей воле» Александра I, под заглавием «Безпристрастное созерцание систем восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев, всеавгустейшему монарху посвященное».

Таким образом, в распоряжении Ф.И. Булгакова уже была большая часть документов, относящихся к периоду пребывания Г.С. Лебедева в Индии. Эти документы в составе семейного архива князей Вяземских, известного под названием «Остафьевского

архива», вошли в фонд № 195 ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), частично же были переданы в 1941 г. (одна тетрадь из пяти) в ЦГИАМ (ныне ГАРФ). Часть документов фонда № 195 ЦГАЛИ была издана в 1956 г. [Антонова 1956], более полная публикация была предпринята в 1965 г. [Русско-индийские отношения 1965].

Как пишет в начале статьи Ф.И. Булгаков, имя Г.С. Лебедева до тех пор оставалось «почти неизвестным». Действительно, и «Безпристрастное созерцание», и «Воспоминания на 1832 год» с основанной на этой книге статьей в альманахе С.В. Руссова давно перешли в разряд библиографических редкостей. Использование рукописных источников, прежде всего лебедевского «Меморандума» и большого числа писем, позволило Ф.И. Булгакову выстроить достаточно надежную, хотя, разумеется, не без лакун, канву биографии Г.С. Лебедева от его рождения (местом которого Булгаков впервые объявляет Ярославль) до 23 июля 1797 г., когда оставшийся без театра, разоренный Г.С. Лебедев письменно обращается к русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову с предложением организовать при поддержке «подданных России, здесь (т.е. в Индии. — *Я.В.*) находящихся»⁵ закупку нужных товаров и снаряжение кораблей для открытия прямой торговли между Восточной Индией и Россией без посредства англичан⁶. Свою статью Ф.И. Булгаков заключает словами:

Мы не знаем, имело ли успех приведенное ходатайство Лебедева, как и вообще его дальнейшая судьба остается неизвестной, по крайней мере насколько можно судить по находящимся в нашем распоряжении документам. Факт, однако, тот, что Лебедев впоследствии жил в Петербурге и имел свою типографию не из второстепенных, как показывает вышеупомянутое им изданное «Безпристрастное созерцание систем восточной Индии».

Но и то, что пока известно о Лебедеве, нам кажется достаточным, чтобы заслуги этого предприимчивого и даровитого русского челове-

---

⁵ Вероятно, армянских купцов.

⁶ Ф.И. Булгаков цитировал письмо С.Р. Воронцову по лебедевскому черновому автографу из тетради в архиве Вяземских (издано полностью в: [Антонова 1956: 175–177]). Это письмо в том же 1880 г. было издано в чистовом варианте, полученном адресатом [Архив князя Воронцова 1880: 174–178; Русско-индийские отношения 1965: 459–461].

ка, обязанного своим образованием только себе, не были забыты его соотечественниками. Нам остается разве выразить уверенность, что владельцы документов, относящихся к Г.С. Лебедеву, не преминут дополнить настоящий очерк, осветить дальнейшую судьбу этой в своем роде замечательной личности [Булгаков 1880: 524].

Статью Ф.И. Булгакова можно считать началом научного изучения в России биографии и наследия Г.С. Лебедева. Большинство открытых впоследствии лебедевских документов дополняют сведения, собранные Булгаковым, и относятся преимущественно к моменту отъезда Лебедева из Индии, к пребыванию его в Южной Африке, Лондоне и на родине.

Шагом назад по сравнению с исследовательской статьей Ф.И. Булгакова является значительно более поздняя статья о Г.С. Лебедеве анонимного автора в «Русском биографическом словаре». Она основывается не столько на предисловии к «Беспристрастному созерцанию», сколько на книге Ф. Аделунга. Отсюда и упоминание о том, что Лебедев якобы отправился в Индию, сопровождая некоего «богатого англичанина», и о переводе Лебедевым на местные наречия «нескольких пьес», «ежедневные представления»⁷ которых он будто бы давал в переполненном театре [Русский биографический словарь 1914: 104–105]. В конце статьи о вышедшем в 1805 г. «Безпристрастном созерцании» сказано: «В том же году появилась эта книга на немецком языке; в свое время она обращала на себя внимание европейских ученых». Скорее всего, это утверждение, как и сообщение словаря П. Ларусса об издании книги на французском [Larousse 1873: 286; Воробьев-Десятковский 1956: 60], есть результат недоразумения: увиденное в печати название книги Лебедева, переведенное на немецкий или французский, могли воспринять как сообщение об издании книги на этом языке.

Начатую Ф.И. Булгаковым линию научного исследования лебедевского наследия блистательно развил известный лингвист С.К. Булич, посвятивший Лебедеву несколько страниц первого

---

⁷ «Бенгальский театр» Г.С. Лебедева дал всего два представления: 27 ноября 1795 г. (сокращенный одноактный вариант пьесы «Притворство») и 21 марта 1796 г. (полное представление пьесы в трех актах).

тома своего «Очерка истории языкознания в России» [Булич 1904: 501, 504–505, 618–625]. С.К. Булич, приведя в целом точные биографические данные о Г.С. Лебедеве⁸, представил затем критический анализ обеих книг нашего индолога-самоучки с точки зрения профессионального лингвиста.

О «Грамматике» Г.С. Лебедева он пишет: «Книга эта интересна как первый печатный труд русского автора, основанный на самостоятельном изучении одного из новоиндийских языков» [Булич 1904: 619]. В предисловии Лебедева к «Грамматике» С.К. Булич выявляет «несколько любопытных черт для характеристики самого автора, принадлежащего к числу довольно неожиданных и отнюдь недюжинных личностей, выдвинутых русским обществом конца XVIII в. По его словам, его привлекло в Индию естественное стремление человеческого духа узнать мир так же хорошо, как и свою родину. При этом он нашел, что “природа не ограничивает своих наставлений какой-нибудь отдельной страной или классом людей, но развертывает свои сокровища с самой высокой целью, а именно для общего блага всего человеческого рода; она открывает широкий вид за горизонтом этого мира и расширяет область нашего познания”. В разысканиях этого рода научились самые замечательные люди всех стран и времен уважать истину природы и “приближаться к ее священному местопребыванию с благоговейным чувством”. Движимый желанием принести посильную пользу, наш автор предпринял и свои занятия индийскими языками и литературой, первым плодом которых и была рассматриваемая книга» [Там же]. Эта характеристика одной из «недюжинных личностей... конца XVIII века» впервые представляет Г.С. Лебедева, говоря современным языком, как *человека эпохи Просвещения*.

Немаловажно, что С.К. Булич, обнаружив в предисловии к «Грамматике» упоминание о переводе Лебедевым «словаря ин-

---

⁸ Можно отметить лишь одну неточность: буквально следуя предисловию Лебедева к изданной в Англии «Грамматике», С.К. Булич не касается темы его конфликта с британской элитой Калькутты, но пишет, что Лебедев обнаружил в грамматиках, изданных предшественниками, много ошибок и отправился из Индии в Европу для того, чтобы сделать свои знания достоянием научной общест-венности [Lebedeff 1801: VII–VIII; Булич 1904: 505].

дийских смешанных диалектов и бенгальского языка», указал, что рукопись этого словаря была упомянута Ф.И. Булгаковым в числе лебедевских рукописей в домашнем архиве князей Вяземских [Булгаков 1880: 515–516; Булич 1904: 629]. Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

К страницам, посвященным Г.С. Лебедеву в книге С.К. Булича, восходит короткая справка о нашем первом индологе в энциклопедической по своему содержанию книге В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России» [Бартольд 1911: 242; 1977: 463]. К сожалению, достоверным данным о пребывании Лебедева в Индии и о публикации им в Англии и в России своих основных сочинений предшествует фраза, содержащая информацию ошибочную и неизвестно откуда почерпнутую: «Столь же случайно, как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев, прибывший в Англию в свите русского посольства и оттуда из страсти к путешествиям направившийся в Индию». С.К. Булич, конечно, писал, что Лебедева «привлекло в Индию естественное стремление человеческого духа узнать мир», но тут же замечал, что Лебедев в своих занятиях был движим «желанием принести посильную пользу». Мы уже писали выше и в дальнейшем приведем немало подтверждений того факта, что Г.С. Лебедев направлялся в Индию именно с целью изучения индийской культуры. Посольство А.К. Разумовского двигалось, конечно, не в Англию, а в Неаполь, и надолго задержалось в Вене, где Лебедев с ним и расстался.

Книгой С.К. Булича заканчивается история творческого изучения биографии и наследия Г.С. Лебедева в дореволюционной России. На протяжении более чем сорокалетнего периода имя Г.С. Лебедева на его родине пребывает в забвении. Но как раз после выхода в свет книги С.К. Булича имя Г.С. Лебедева, как пишет Хаят Мамуд, возвращается из безвестности на Индийский субконтинент [Мамуд 2012: 71]. В этот самый отрезок времени, с начала XX в. до конца 1940-х годов, в Индии зародилась и оформилась традиция изучения лебедевского наследия в контексте истории

нового индийского театра. Целесообразно рассказать здесь вкратце об этих индийских исследованиях, опираясь в значительной мере на книгу Хаята Мамуда⁹.

Изучение лебедевского наследия в Индии (с 1882 до 1946 г.)

Первое упоминание в англо-индийской печати о театре Г.С. Лебедева через многие годы после его закрытия содержится в книге Уильяма Генри Кэри «Добрые старые времена достопочтенного “Джона Компани”¹⁰». Составитель этой огромной коллекции деталей колониального быта, местных обычаев, курьезов и анекдотов поместил здесь в разделе сведений о театрах объявление, найденное им, по-видимому, в “Calcutta Gazette” от 5 ноября 1795 г. После короткого рассказа о «Калькуттском театре» Ост-Индской компании, Кэри пишет:

В 1795 г. в Калькутте был еще один театр. Он находился в Домтолла, переулке, шедшем от Старого китайского базара. В тот год антрепренер поместил объявление о совершенно уникальном спектакле:

«С соизволения почтенного генерал-губернатора вскоре состоится открытие оформленного в бенгальском стиле Нового Театра г-на Лебедева в Домтолла. В день открытия будет разыграна пьеса под названием “The Disguise” («Обманчивая внешность»). В исполне-

---

⁹ В разделах, посвященных лебедевским исследованиям в Индии, и далее в этой книге все цитаты из книги Х. Мамуда даны по ее русскому переводу, который был выполнен Е.К. Бросалиной, Е.А. Костиной и А.Л. Сладковым под общей редакцией Е.К. Бросалиной.

¹⁰ «Джон Компани» — прозвище Ост-Индской компании, для англичан — шутивное, но в их общении с индийцами — персонификация, облегчавшая им иногда задачу растолковать «туземцам», кому они должны платить налоги, продавать за бесценок дорогие ткани и т.д. — «Джону Компани», мифическому хозяину страны (см.: [Yule, Burnell 1996: 452]).

глоиндийцев. Статья о Г.С. Лебедеве [Buckland 1906: 248] дает краткую биографическую справку о нем. К сожалению, источниками этой статьи явно послужили книги старшего и младшего Аделунгов, в особенности «Митридат», здесь аккуратно воспроизведены допущенные там неточности («из украинских крестьян», «театральный директор у Великого Могола» и т.д.).

Первое упоминание о Лебедеве в литературе на бенгальском языке датируется 1904 г. В 16-м томе «Бенгальской энциклопедии», издававшейся Ногендронатхом Бошу (Nagendranath Basu), в разделе, посвященном бенгальской сцене, есть статья о Г.С. Лебедеве и его театре [Bangla Visvakosh 1904: 172]. Автор статьи не указан, ее иногда приписывают издателю энциклопедии Н. Бошу, но многие считают, что ее написал театровед Б. Мустофи (Mustafi). Статья в основном воспроизводит информацию из книги Уильяма Кэри, однако Хаят Мамуд находит в ней и исследовательский момент. По поводу слов Кэри о «стихах прославленного поэта Шри Бхаротчондро Рая» автор статьи замечает, что здесь имеется в виду, скорее всего, именно история о Бидде и Шундоре (которую, как мы знаем, действительно переводил Г.С. Лебедев), а не другое какое-нибудь место из поэмы Бхаротчондро Рая «Благодарение Онноде»¹¹ [Мамуд 2012: 73].

Годом позже в калькуттской газете “The Statesman” появилась статья Элиота Уолтера Мэджа «Калькуттская сцена: несколько глав из ее ранней истории». Информация о Лебедеве в ней восходит к книге У. Кэри, но дополняется двумя ценными наблюдениями. Во-первых, здесь указано, что переулоч Домтола (местонахождение театра Лебедева) находился там, где в начале XX в. проходила и где сейчас находится Эзра Стрит. Во-вторых, Э.У. Мэдж пришел к исключительно важному выводу: «Если принять во

---

¹¹ «Биддешундор» (Vidyāsundar) — романтическая поэма о любви царевича из Канчи Шундара (Sundar), чье имя значит «Прекрасный», и царевны из княжества Бурдван в Бенгалии по имени Бидде (Vidyā), имя которой означает «Наука», «Ученость». Эта поэма составляет одну из трех частей большой поэмы (или, скорее, трилогии) под общим названием «Оннодамонгол», т.е. «Благодарение (богине) Онноде (Annadā)», бенгальского поэта XVIII в. Бхаротчондро Рая (Bharatcandra Rāy). Название «Биддешундор» может интерпретироваться как «Красота учености».

внимание, что театр г-на Лебедева, как указано в объявлении, был устроен согласно вкусам бенгальской публики и в качестве увертюры предлагалось музыкальное сочинение под названием “The Indian Serenade”, к тому же на музыку были положены стихи бенгальского поэта и привычные для Бенгалии музыкальные инструменты использовались наряду с европейскими, то этот театр тоже *вполне может считаться первым национальным бенгальским театром* (курсив наш. — Я.В.)» [Madge 1905; Мамуд 2012: 75]. Несколько позже об открытии в 1795 г. театра господина Лебедева на «Думталла, переулке, отходящем от Китайского базара и в наши дни скрывшемся под названием Эзра Стрит», упомянул в своем фундаментальном сочинении «Калькутта, старая и новая» известный калькуттский юрист Х.Э.А. Коттон [Cotton 1907: 152]. Автор рецензии на книгу Коттона У. Корфилд также упоминает о театре Лебедева, его декорациях «в бенгальском стиле» и об «Индийской серенаде», а также приводит другие имеющие отношение к нашей теме детали. Например, он говорит о существовавших в 1790-е годы в Калькутте параллельно с «Калькуттским театром» частных театрах, а также о спектакле-бенефисе, устроенном в «Калькуттском театре» для «ветерана на деревянной ноге, носящем весьма подходящую ему фамилию “Бэттл”» (англ. battle означает «битва») [Corfield 1908: 179].

Наконец, в бенгальском театральном журнале «Ронгомончо» в 1910 г. появилась статья «История бенгальской сцены» за подписью Б. Мустофи (Mustafi). В ней, как и в статье 1904 г. из «Бенгальской энциклопедии», утверждалось, что темой стихов Бхаротчондро, которые Лебедев положил на музыку и приспособил для хорового исполнения («Индийская серенада»), могла быть только история о Бидде и Шундоре. Кроме того, Б. Мустофи поднял вопрос, который впоследствии будет не раз обсуждаться в индийских исследованиях лебедевского театра. Это вопрос о том, оказала ли влияние на форму лебедевского спектакля традиция исконно бенгальских народных представлений (*джатра*), одним из наиболее популярных сюжетов которых была как раз история о Бидде и Шундоре. Дело в том, что в представлениях джатры при смене картин обычно разыгрывались «забавные сценки», что, как мы знаем, имело место и в театре Лебедева. В этой статье впервые

индийский автор фактически провозгласил Г.С. Лебедева основоположником нового индийского театра: «Именно в этом театре и англичане, и индийцы совместно научились получать удовольствие от спектакля европейского типа. Именно с этого времени в сердцах бенгальцев постепенно стало пробуждаться желание смотреть европейские пьесы» [Мамуд 2012: 74].

Похоже, что до определенного времени бенгальские авторы не имели представления о происхождении Г.С. Лебедева, принимая «Mr. Lebedeff», скорее всего, за англичанина. Впервые в бенгальской прессе обнаружил истину автор анонимной статьи в газете «Башонти» (воскресный номер от 22 числа месяца джойштво / джьештва 1921 г.). В статье явно сказывается знакомство ее автора с биографией Лебедева в словаре Бакленда. Называлась статья «О минувших временах: первый театральный деятель Бенгалии». Уже в первых ее словах звучит энтузиазм первооткрывателя:

Тот, о ком я сейчас поведу речь, не житель Индии и даже не англичанин. Он из России. Да, Герасим Лебедев по национальности русский, но его жизнь неразрывно связана с Индией и особенно с Бенгалией. Бенгальцы его не знают, даже имя его им ни о чем не говорит. Однако в истории бенгальской драматургии это имя должно быть упомянуто ранее всех прочих, поскольку именно он написал первую пьесу на бенгальском, и ее сценическое воплощение — это тоже его заслуга.

Далее излагается биография Г.С. Лебедева (в основном по Бакленду), а завершается статья словами:

О том, что сделал для нашей страны человек по имени Герасим Лебедев, забывать не следует. Сто четыре года тому назад его не стало [Мамуд 2012: 75–76].

Х. Мамуд пишет, что автором этой статьи был Оморендронатх Рай (Amarendranāth Rāy). Как можно понять из примечания 13 к этой главе его книги [Мамуд 2012: 100–101], установил этот факт в 1923 г. известный публицист и историк бенгальской литературы Шайлендронатх Миттро (Shailendranāth Mitra).

Оживлению интереса к Лебедеву содействовал Дж.А. Грирсон, опубликовавший в 1923 г. в журнале “Calcutta Review” статью, явившуюся дополнением к ранее опубликованной там же статье Мохинимохана Мукхопадхя «Ранний английский театр и бенгальская драма», в которой имя Лебедева не упоминалось. В отличие от прежних своих публикаций, в которых речь шла преимущественно о Лебедеве как авторе «Грамматики», здесь выдающийся индолог-лингвист счел нужным высказаться о нем как о театральном деятеле. В заключение своей статьи Дж.А. Грирсон поставил ряд вопросов, которые впоследствии долго еще будут обсуждать индийские исследователи наследия Г.С. Лебедева.

Было бы любопытно выяснить, сохранились ли в наши дни какие-либо следы театра на Дом-Толла и можно ли обнаружить какие-либо упоминания относительно тех двух пьес. Похоже на то, что эти пьесы являются первым примером адаптации европейской драмы на бенгальской сцене. Интересно было бы также выяснить, кто был этот “Голокнат-Даш”. Возможно, он (Лебедев. — *Я.В.*) имеет в виду Голокнатха Шарму, автора перевода на бенгальский «Хитопадеш», опубликованного в Серампуре¹² в 1801 г. [Мамуд 2012: 78–79].

Уже в следующем номере того же журнала ответ на эти вопросы постарался дать бенгальский историк и филолог Шойлендронатх Миттро (Śailendranāth Mitra). Он заявлял, что «к глубокому сожалению, никаких следов театра на Дом Толла не сохранилось, и о том, кто был этот Голокнатх Даш, которого он (Лебедев. — *Я.В.*) называл “своим лингвистом”, тоже нельзя сказать ничего определенного». Однако этот ответ не был окончательным: споры о том, где именно находился театр Лебедева и о личности Голокнатха Даша будут продолжаться многие годы.

---

¹² Серампор (Серампур) — исторический Шрирампур, город ныне в штате Западная Бенгалия, в конце XVIII в. — центр датской колонии. Здесь нашли приют английские миссионеры-баптисты во главе с Уильямом Кэри (William Carey, 1761–1834), когда их деятельность была запрещена на территориях, подвластных Ост-Индской компании. При миссии была создана типография (1800), на протяжении более 50 лет издавшая сотни книг на языках народов Индии, в том числе переводы Библии и других христианских текстов.

С этого момента начинается период активного интереса к Г.С. Лебедеву и его театру, статьи о нем прочно закрепляются в бенгальской печати. Выделяется группа филологов и историков, которые становятся прямо-таки специалистами по Лебедеву, много пишут о нем, полемизируя друг с другом. В их числе необходимо назвать имена литературоведа, историка театра и библиографа, автора десятка статей о Лебедеве Хемендронатха Дашгупто (Hemendranāth Dasgupta), театроведа, публициста и библиографа Броджендронатха Бондопадхьяй (Brajendranāth Bandopadhyay/Brajendra Nath Banerjee), журналиста Омуллочорона Биддебхушана (Amūlyacharan Vidyābhūṣan) и известного литературоведа, профессора Университета Дакки Сушила Кумара Де. Мы воздержимся здесь от описания перипетий полемики и последовательности выхода в свет статей и разделов книг разных авторов, посвященных Лебедеву, с этим можно ознакомиться в книге Х. Мамуда (см. также: [Das Gupta 1934: 228–231]). Основными темами обсуждения были местоположение театра Лебедева и переулка Домтола, социальный состав зрителей лебедевских спектаклей, значение, которое театр Г.С. Лебедева имел для последующего развития бенгальского национального театра. Но наиболее важным достижением этого периода явилось вовлечение в поле исследования индийскими учеными (Омуллочороном Биддебхушаном, Броджендронатхом Бондопадхьяем, Хемендронатхом Дашгупто) новой информации о Лебедеве, а именно найденных в архивах объявлений о концертах Лебедева и о спектаклях его театра, которые он помещал на страницах «Кэлката гзет» [Kemp 1958: 120; Мамуд 2012: 82].

Следует отметить, что Хемендронатх Дашгупто в своей англоязычной работе «Индийский театр» [Das Gupta 1934], увлеченный бенгальским патриотизмом, приписывал заслугу перевода английских пьес на бенгальский не только Г.С. Лебедеву, но и отчасти его наставнику Голокнатху Дашу [Das Gupta 1934: 238; Kemp 1958: 119–120]. Эта тенденция проявит себя в работах некоторых бенгальских авторов и в последующие годы. Для Х. Дашгупто в данном случае может служить оправданием то, что он, как и другие индийские исследователи — его современники, не знал о существовании рукописей «Притворства», засвидетель-

ствовавших работу Г.С. Лебедева над переводом пьесы. Не было тогда известно в Индии и о преследовании Г.С. Лебедева колониальными властями: подобно С.К. Буличу в России (см. примеч. 8), Х. Дашгупто принимает на веру слова Лебедева в предисловии к опубликованной в Англии «Грамматике» о том, что он расстался с театром и покинул Индию лишь для того, чтобы обнародовать в Европе накопленные им знания [Das Gupta 1934: 237]. Как и некоторые индийские авторы до него (например, Ш.П. Мукерджи [Mukherji 1924: 109] или П. Гуха-Тхакурта [Guha-Thakurta 1930: 44]), Х. Дашгупто использовал определение, закрепленное за Лебедевым британской колониальной историографией: Russian adventurer — «русский искатель приключений» [Das Gupta 1934: 231].

Состояние знаний индийских ученых о Лебедеве и его театре в этот период отражено также в англоязычной монографии Броджендронатха Бондопадхья «Бенгальская сцена: 1795–1873». Уже из названия книги видно, что отсчет истории бенгальского национального театра ведется здесь именно от театра Лебедева. Однако, как пишет автор, история открывшегося в 1795 г. «Бенгальского театра» представляла собой лишь кратковременный и изолированный эпизод. Причиной же этого было, по мнению Б. Банерджи, то, что основателем театра был не индеец, а «искатель приключений (adventurer) из далекой России» по имени Герасим Лебедев (Herasim Lebedeff). Рассказ самого Лебедева о работе над переводом пьесы “The Disguise” и о создании им театра приведен в книге по тексту лебедевского предисловия к «Грамматике». Далее Банерджи поместил тексты двух объявлений Лебедева о предстоящем первом представлении театра в “Calcutta Gazette” от 5 и 26 октября 1795 г. В первом из них, предварительном, сообщалось о предстоящем вскоре открытии нового театра. Это то самое объявление, которое впервые было опубликовано еще Уильямом Кэри (см. выше; приложение 2). Во втором объявлении говорилось о том, что первое представление «Бенгальского театра» (Bengally Theatre) состоится «завтра, в пятницу 27-го» ноября. Далее Б. Банерджи пишет: «Спектакль, по-видимому, имел большой успех, так как ко второму представлению 21 марта 1796 года Лебедев поднял цены на билеты до одного золотого муху-

ра). Вслед за этим Б. Банерджи привел короткое письмо, которое Лебедев опубликовал через три дня после второго представления пьесы, 24 марта 1796 г. в той же “Calcutta Gazette”, обращаясь со словами благодарности к тем представителям британской знати, которые своей подпиской поддержали его начинание. После этого следует фраза, завершающая главку о Лебедеве: «Отправив это прощальное послание, благородный иностранец навсегда исчез из поля зрения жителей Калькутты» [Banerjee 1943: 3–5]. Но, как мы знаем, Лебедеву предстояло прожить в Калькутте еще почти два года, полные тяжелых испытаний.

После того как в 1946 г. был опубликован на бенгальском фундаментальный труд Х. Дашгупто «История бенгальской драмы» («Бангла натокер итибритто»), интерес индийских ученых к Лебедеву заметно спал. Надо полагать, это случилось в силу того, что доступные им источники казались исчерпанными. Но как раз в это время, в конце 1940-х годов, начинается расцвет «лебедевских» исследований в СССР. Были критически осмыслены прежние публикации, раскрыт немалый фонд архивных материалов, содержащих важнейшую новую информацию. Пройдет десяток лет, и вся эта информация начнет постепенно приоткрываться и индийским ученым, что даст толчок к новому витку «лебедевских» исследований в Индии.

Изучение лебедевского наследия в СССР (1946–1965 гг.)

Прежде чем обратиться к началу лебедевских исследований в СССР в послевоенный период, необходимо упомянуть здесь об одном проекте, начатом двадцатью годами раньше и очень много обещавшем, но прервавшемся в силу трагических обстоятельств.

По возвращении в МАЭ после длительного пребывания в Индии и на Дальнем Востоке Александр Михайлович Мерварт в 1926 г. занимался организацией выставки «Театр народов Востока».

В ходе подготовительной работы он познакомился с некоторыми материалами о Лебедеве и его театре, опубликованными в дореволюционной России (в частности, со статьей Ф.И. Булгакова). В новейшей работе петербургских индологов-этнографов, посвященной экспедиции супругов Мервартов и ее научным результатам [Краснодембская, Котин, Соболева 2017], впервые публикуется письмо А.М. Мерварта к секретарю Азиатского общества Бенгалии с предложением совместно исследовать тему деятельности Лебедева в Калькутте на базе, с одной стороны, российских архивов и, с другой стороны, индийских архивов и калькуттской прессы. Работу в российских архивах Мерварт уже начал с помощью талантливой сотрудницы Татьяны Александровны Корвин-Круковской (1900–1938). Репрессии прервали работу над проектом, который, будь он реализован, соединил бы российские и индийские данные о Лебедеве на 50 лет раньше, чем смог это сделать в своей монографии 1985 г. Хаят Мамуд.

Возрождение интереса к Лебедеву во второй половине 1940-х годов и затем стремительное развитие исследований лебедевских материалов в архивах, по-видимому, прямо связаны с перипетиями становления дипломатических отношений между СССР и независимой Индией.

Вряд ли может быть случайным совпадением то, что первое упоминание о Лебедеве в советской научной печати появилось именно в 1946 г., когда было создано Временное правительство Индии и Джавахарлал Неру, занимавший в нем должности вице-премьера и министра иностранных дел, обратился к властям СССР с инициативой по установлению дипломатических отношений [Горошко, Скосырев 1999: 8–9]. Советское правительство взяло паузу, во время которой, вероятнее всего, запросило лидера советской индологии в те годы академика А.П. Баранникова о российско-индийских связях в прошлом. Статья академика, в которой впервые в советский период говорилось о Г.С. Лебедеве [Баранников 1946: 462], основывалась, возможно, на материалах исторической справки, составленной по запросу правительства. В статье содержится добротная сводка сведений о Лебедеве, почерпнутая из предисловия к «Грамматике» и из предшествовавших русских публикаций. Деятельности Г.С. Лебедева дана в це-

лом высокая оценка: он сумел собрать, причем непосредственно в самой Индии, «значительные по тому времени сведения об этой стране и способствовал распространению их в русском обществе». Важным для всего последующего является упоминание А.П. Баранникова о том, что в архивах сохранилось много лебедевских материалов.

Относящиеся к лебедевской теме публикации Е.Л. Штейнберга [Штейнберг 1947; 1948] выходили уже в условиях, когда в Москве действовало посольство Индии. Правда, полноценному развитию советско-индийских отношений в те годы препятствовало неприязненное отношение Сталина к возглавлявшей освободительное движение в Индии партии Национальный конгресс и ее виднейшим представителям. Лишь в начале 1950-х годов, благодаря деятельности в Москве посла независимой Индии, выдающегося политического деятеля и философа Сарвепалли Радхакришнана, отношения немного смягчились.

Все изменилось после смерти Сталина, в пору начавшейся и нараставшей «оттепели». В 1955 г. руководящие деятели Индии и СССР впервые обменялись визитами. Индия оказалась первой страной, которую жители СССР увидели за приоткрывшимся «железным занавесом». Встреча с дружественным великим народом вызвала небывалый взрыв энтузиазма. Лозунг «Хинди руси бхай бхай!» («Индийцы и русские — братья!») был тогда в СССР понятен каждому. Тут и пришла пора сделать всеобщим достоянием память о человеке, который всей своей жизнью явил высокий пример российско-индийской дружбы.

Тридцатого ноября 1955 г. советский лидер Н.С. Хрущев, выступая перед многотысячной аудиторией в Калькутте, произнес слова, имевшие огромное значение для развития в СССР лебедевских исследований: «В вашем городе жил и работал наш соотечественник Герасим Лебедев, который в 1795 году вместе с передовыми представителями индийской интеллигенции основал первый бенгальский театр»¹³.

Эта речь партийно-государственного деятеля дала дополнительную санкцию уже разворачивавшимся исследованиям биографии

---

¹³ «Правда», 1 декабря 1955, № 1955; см. также: [Булганин, Хрущев 1955: 94].

Г.С. Лебедева и его творчества (см.: [Антонова 1956: 156; Гусева 1956: 116; Соловьев 1959: 174]). Начальным толчком, возможно, стал еще визит в СССР Джавахарлала Неру, который начался 7 июня 1955 г. (см. об этом: [Гамаюнов 1955: 38–40]). В этом году появились содержащая обстоятельные сведения о Г.С. Лебедеве брошюра Л.С. Гамаюнова [Гамаюнов 1955: 10–15], небольшая музыковедческая статья И.М. Ямпольского [Ямпольский 1955]. Молодой ленинградский индолог В.С. Воробьев-Десятовский опубликовал на английском языке в журнале Общества индо-советских культурных связей (ISCUS), выходявшем в Индии, небольшую заметку о ранних культурных связях России с Индией, уделив особое внимание Г.С. Лебедеву [Vorobyov-Desyatovsky 1955].

Но наибольшей интенсивности достигли лебедевские исследования в следующем, 1956 г. Здесь можно упомянуть и небольшую статью Н.Р. Гусевой, посвященную главным образом «Безпристрастному созерцанию» в его этнографическом аспекте [Гусева 1956], и две статьи Л.С. Гамаюнова [Гамаюнов 1956а; 1956б]. Из них важнейшей является до сих пор не утратившая своего научного значения вторая статья Л.С. Гамаюнова — «Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г.С. Лебедева)», напечатанная во втором выпуске сборника «Очерки по истории русского востоковедения». Изложение в ней биографии Лебедева в целом точно и построено на сопоставлении данных из «Предуведомления» к «Безпристрастному созерцанию» с известными на тот момент в России архивными документами. Л.С. Гамаюнов решительно опротестовал мнение В.В. Баргольда о том, что Лебедев попал в Индию столь же случайно, как и Афанасий Никитин. Он приводит целый ряд высказываний Лебедева, свидетельствующих, что «ясно осознанная цель, а не случай» привела Лебедева в Индию и что цель эта состояла в изучении страны, языков населяющих ее народов и ее древней культуры [Гамаюнов 1956б: 91–93]. Добытые им знания, как полагал Лебедев, должны были принести немалую пользу российскому обществу и всему просвещенному человечеству¹⁴.

---

¹⁴ Упомянем, однако, о том, что Л.С. Гамаюнов, отметив многократно декларированное Лебедевым стремление принести своей родине посильную пользу, сде-

Л.С. Гамаюнов впервые (или одним из первых) поднимает вопрос о мировоззрении Лебедева, характерной особенностью которого, как он пишет, «были идеи гуманизма, всеобщего блага, естественного права человека. Об этом свидетельствуют отдельные его высказывания, но в особенности его деятельность в Индии. Очевидно, что Лебедев не остался в стороне от передовых веяний своей эпохи» [Гамаюнов 1956б: 89]. Это определение совершенно верно, хотя в свете новых данных может быть конкретизировано.

Интересна и данная Л.С. Гамаюновым характеристика социально-политических взглядов Лебедева. Вполне обоснованным можно считать его мнение, что политическим идеалом Г.С. Лебедева был просвещенный абсолютизм. В то же время Л.С. Гамаюнов считал Лебедева близким по взглядам к тем людям, которые «весьма внимательно относились к английскому буржуазному прогрессу». Однако личное столкновение с системой британского правосудия заставило Лебедева, искренне верившего ранее в ее совершенство, испытать глубокое разочарование и выступить с обличениями «меркантильного духа, власти денег, стяжательства и алчности», господствовавших в «купеческом государстве» [Гамаюнов 1956б: 89–90].

Несмотря на то что сам Лебедев называл главными виновниками своих бедствий владельцев и менеджера «Калькуттского театра», будто бы опасавшихся его как конкурента, Л.С. Гамаюнов весьма проникательно указал, что круг гонителей Лебедева был

лал тут же неосторожное и абсолютно ни на чем документально не основанное предположение, что намерение Лебедева посетить Индию могло заинтересовать «русские правительственные круги» и русских дипломатов в Англии. Они будто бы рассчитывали, что через русского музыканта смогут получать сведения о политической ситуации в Индии. «Однако, — пишет Л.С. Гамаюнов, — Лебедев не оправдал этих ожиданий» [Гамаюнов 1956б: 92]. Мы ровным счетом ничего не знаем о пребывании Лебедева в Англии перед его отъездом в Индию, поэтому допущение Л.С. Гамаюнова является чистым домыслом. Тем не менее много лет спустя Хаят Мамуд, ссылаясь на него, напишет: «Русскую дипломатическую службу в Лондоне чрезвычайно интересовала деятельность англичан в Индии. Они наверняка надеялись, что приезд в Калькутту Лебедева даст им возможность получить более достоверную и полную картину происходящего там». Но тут же Х. Мамуд добавляет: «Хотя российские исследователи не обнаружили никаких доказательств шпионской деятельности Лебедева» [Мамуд 2012: 139].

гораздо более широким: «Против Лебедева ополчилось все английское общество в Калькутте, и в конце концов совместными усилиями дельцы Ост-Индской компании погубили театр Лебедева, а самого его довели до разорения» [Гамаюнов 1956б: 98].

В том же втором выпуске сборника «Очерки по истории русского востоковедения» была опубликована имевшая большое значение и надолго ставшая образцовой, базовой для лебедевских исследований статья В.С. Воробьева-Десятовского «Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817)». Это одна из последних работ исключительно одаренного молодого ученого, безвременно ушедшего из жизни в том же 1956 г. в возрасте двадцати восьми лет. За недолгий срок, отпущенный ему судьбой для научной работы, он блистательно проявил себя в разных отраслях индологии и тибетологии (см. о нем: [Зограф 1974]).

Одним из направлений в широком круге его интересов была история российского востоковедения. Заинтересовавшись биографией и наследием Г.С. Лебедева, Воробьев-Десятовский не ограничил себя опубликованными к тому времени материалами. Он предпринял самостоятельный поиск во всех доступных ему архивах и обнаружил, в частности, целый ряд документов, относящихся к периоду возвращения Лебедева в Россию, устройства его в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел и последующего продвижения по службе. Он же впервые точно определил местонахождение созданной Лебедевым в Петербурге типографии, где было напечатано «Безпристрастное созерцание» [Воробьев-Десятовский 1956: 58–59, 62].

В.С. Воробьев-Десятовский исправил некоторые ошибки, допущенные ранее писавшими о Лебедеве авторами, изложенная им в статье биография Лебедева до сих пор остается наиболее достоверной и полной из всех существующих на русском языке. Он кратко и точно изложил содержание не только двух печатных трудов Лебедева, «Грамматики» и «Безпристрастного созерцания», но и рукописей, которые Лебедев готовил к изданию: комедии «Притворство», «Арифметических восточных индийцев таблиц» и «Систематических восточных индийцев начальных умозрительных и существенных оснований арифметики». Будучи сам хорошо знаком с рукописными хранилищами Ленинграда, В.С. Воробьев-

Десятовский впервые перечислил и охарактеризовал привезенные в Россию Лебедевым семь индийских рукописей, положивших начало собранию индийских рукописей Азиатского музея (ныне Институт восточных рукописей РАН) [Воробьев-Десятовский 1956: 57].

Другим важнейшим достижением явилась осуществленная в начале 1956 г. московским индологом-историком К.А. Антоновой публикация двадцати лебедевских писем и документов из фонда семьи Вяземских в ЦГАЛИ («Остафьевский архив»; ныне РГАЛИ, ф. 195) [Антонова 1956]. Таким образом, общим достоянием историков науки стали «Меморандум» Г.С. Лебедева и его письма разным лицам (А.А. Самборскому, Я.И. Смирнову, черновик письма С.Р. Воронцову), проливающие свет на обстоятельства его жизни и деятельности в Индии. Особое значение имели афиша первого представления «Притворства», детальная программа второго представления и обращение Лебедева к публике на английском и бенгальском языках, в котором он приглашал на третье, несостоявшееся представление пьесы «только азиатских жителей Калькутты». Кроме того, опубликованные К.А. Антоновой документы и записи Лебедева, относящиеся к последнему периоду его пребывания в Индии, позволяли проследить в деталях и поэтапно кампанию преследований Лебедева колониальными властями, которая привела в итоге к гибели «Бенгальского театра» и отъезду его создателя из Индии.

Интерес к Лебедеву проявляли и музыковеды. Известный виолончелист, музыковед и педагог Л.С. Гинзбург включил во второй том своей «Истории виолончельного искусства» небольшой рассказ о Лебедеве [Гинзбург 1957: 110–111], основанный на ранней статье И.М. Ямпольского [Ямпольский 1955], а также на статьях В.С. Воробьева-Десятовского и Л.С. Гамаюнова.

Имя Г.С. Лебедева обрело широкую известность в СССР. Одно за другим стали появляться в эти годы художественные произведения на «лебедевскую» тему: исторические романы Е.Л. Штейнберга «Индийский мечтатель» [Штейнберг 1956] и В.А. Смирновой-Ракитиной «Герасим Лебедев» [Смирнова-Ракитина 1959], впоследствии дважды переиздававшийся — в 1969 и 1980 гг. В 1958 г. была написана первая пьеса начинающего дра-

матурга Эдварда Радзинского «Мечта моя... Индия» (поставлена в 1960 г. Московским театром юного зрителя). Э.С. Радзинский перед этим защитил в Московском историко-архивном институте дипломную работу о Лебедеве, на основе которой написал статью, опубликованную на английском и французском в серии информационных брошюр ЮНЕСКО [Radzinski 1958a; 1958b¹⁵]. Английский вариант стал вскоре известен в Индии [Lebedev 1963: XXII], а французский нашел позднее заинтересованного читателя в Уругвае [Altuchow 1981: 12]. Бенгальский перевод английского варианта статьи был опубликован в 1969 г. в «Литературном журнале» («Шахитто потрика», вып. 13, № 2), выходившем в Дакке — тогда еще главном городе Восточного Пакистана [Мамуд 2012: 62].

В последующие годы уже не с такой интенсивностью, но появлялись новые статьи о Лебедеве и публикации новых архивных находок. Статья индолога-лингвиста В.М. Бескровного открыла новый этап в изучении и переоценке лебедевской «Грамматики» [Бескровный 1957: 38–40] (позднее это направление нашло свое продолжение и развитие в работах Г.А. Зографа [Зограф 1961; 1963]). Уделили внимание Лебедеву в своих книгах историки [Антонова 1958: 304–306; Соловьев 1958: 39–43]. Существенным вкладом стала публикация Р.В. Овчинниковым результатов своего исследования обстоятельств жизни Лебедева в первые месяцы его пребывания на родине (1801–1802) по документам из канцелярии статс-секретаря Д.П. Трошинского, обнаруженным в Центральном государственном архиве древних актов [Овчинников 1960].

Почти одновременно с находками в ЦГАДА большой комплекс документов Г.С. Лебедева, его так называемый «Африканский дневник», был обнаружен в отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), в фонде редакции журнала «Русская старина». Первоначально находка нашла отражение лишь в научно-популярной статье в приложении к газете «Известия» «Неделе» [Медведев, Рогова 1960], а также в беллетризованном рассказе о Лебедеве на страницах научно-популярного журнала «Вокруг света» [Лебедев 1963]. Эта вторая статья

---

¹⁵ В библиографии работ о Лебедеве у Х. Мамуда ошибочно: Rezhinsky [Мамуд 2012: 61].

подписана псевдонимом «Михаил Лебедев», за которым скрывался тот же московский историк-архивист М.М. Медведев. Он изучал наследие Лебедева, первым обнаружил в ЦГАЛИ, в фонде А.С. Шишкова лебедевский перевод поэмы Бхаротчондро Рая «Биддешундор» [Лебедев 1963: 49] и в своих научно-популярных статьях демонстрировал знание таких деталей лебедевской биографии, которые были неизвестны другим исследователям и надолго остались неучтенными. За этим стояла, по-видимому, большая работа с архивными материалами и старыми английскими газетами. К сожалению, в научно-популярных изданиях не принято указывать использованные источники, а научных работ, посвященных Лебедеву, М.М. Медведев не оставил.

В 1963 г. ленинградский литературовед М.Г. Альтшуллер опубликовал статью на материале лебедевских документов, обнаруженных им в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (ныне РНБ). Все эти документы попали в рукописные хранилища из обширного архива Гавриила Романовича Державина. Благодаря им открылась еще одна неизвестная страница жизни Г.С. Лебедева, относящаяся к его последним годам. Работая над теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии», Г.Р. Державин собирал сравнительный материал из различных литературных традиций Запада и Востока. За сведениями об индийской поэзии он обратился к Г.С. Лебедеву, который составил для него несколько записок на эту тему и передал образцы своих переводов. Таким образом, М.Г. Альтшуллером был установлен «факт интенсивного общения Державина и Лебедева в 1815–1816 гг.». Державин включил в свою рукопись пересказ сведений, сообщенных ему Лебедевым, и фрагменты его переводов. Однако, как написал, завершая свою статью М.Г. Альтшуллер, «смерть поэта, последовавшая 9 июля 1816 г., помешала своевременному ознакомлению русской публики с полученными им из первых рук сведениями об индийской поэзии» [Альтшуллер 1963: 129].

Наконец, в 1965 г. увидел свет практически полный свод всех известных на то время лебедевских документов с 1796 по 1817 г. в архивах СССР (за исключением рукописей его научных работ и

документов из архива Державина). Здесь были переизданы многие документы «Остафьевского архива», опубликован почти полностью «Африканский дневник», называемый так условно, поскольку в этот комплекс документов входят также дневниковые записи и письма, относящиеся к периоду пребывания Г.С. Лебедева в Лондоне по возвращении его из Индии и Южной Африки. Здесь же впервые изданы документы о жизни и деятельности Лебедева в Петербурге (1801–1817 гг.), ранее найденные В.С. Воробьевым-Десятовским в ЦГАДА и Р.В. Овчинниковым в отделе рукописей Пушкинского Дома. Содержащий всю эту подборку сборник «Русско-индийские отношения в XVIII веке» [Русско-индийские отношения 1965: 424–513] готовился сотрудниками центральных государственных архивов и Института востоковедения/Института народов Азии АН СССР начиная с середины 1950-х годов (см.: [Антонова 1956: 158]). В приложениях к сборнику, вышедшему под общей редакцией К.А. Антоновой и Н.М. Гольдберга, были помещены избранные тексты из «Безпристрастного созерцания»: посвящение императору Александру I, предупреждение и заключительная, третья, часть книги [Русско-индийские отношения 1965: 539–562]. В Предисловии к сборнику редакторы особо оговорили, что «в сборник не включены рукописи научных трудов Г.С. Лебедева, сохранившиеся в архивах и рукописных собраниях <...> Публикация научного наследия Г.С. Лебедева является специальной и почетной задачей советских ученых-индологов, и она не может быть выполнена в данном сборнике документов» [Русско-индийские отношения 1965: 24].

Эта задача начала постепенно решаться только сорок лет спустя.

В публикацию 1965 г. не вошли записки Г.С. Лебедева об индийской поэзии из архива Г.Р. Державина. Возможно, составители расценивали их как рукописи научных трудов. Возможно также, что, когда в 1963 г. в главном востоковедном журнале страны «Народы Азии и Африки» появилась статья М.Г. Альтшуллера, сборник «Русско-индийские отношения в XVIII веке» проходил уже редакционную подготовку в издательстве, а для копирования в ленинградских архивах и изучения записок Лебедева требовалось время...

То ли издание свода документов исчерпало на какое-то время возможности новых открытий, то ли на интересе к Лебедеву сказался внезапный конец эры Н.С. Хрущева, чья речь в свое время явилась стимулом к развитию лебедевских исследований (см.: [Антонова 1956: 156; Гусева 1956: 116]), но с середины 1960-х годов в советско-российских лебедевских штудиях наступило затишье, длившееся по меньшей мере три с половиной десятилетия. Разумеется, отдельные исследовательские статьи о Лебедеве и разделы в коллективных работах появлялись и в этот период (о них мы скажем чуть позже). Но до такого размаха и интенсивности изучения жизни и деятельности Г.С. Лебедева, какие наблюдались в годы с 1955 по 1965, или позднее — с 2000 г. по настоящее время, «годам застоя» было далеко. Инициатива в этот период вновь оказалась на стороне индийских исследователей, главным образом ученых Бенгалии.

Изучение лебедевского наследия в Индии (с 1955 г. по настоящее время)

Новый взлет исследований, посвященных Лебедеву, в Бенгалии несомненно был подготовлен и предопределен установлением дружественных отношений между Индией и СССР. Можно ли считать случайным то, что именно в 1955 г., в год первого обмена визитами на высшем уровне, в Калькутте состоялось организованное Ассоциацией театральных деятелей большое собрание в честь 160-летней годовщины со дня первого представления лебедевского театра? Вслед за этим появилась серия статей Робиндрокумара Дашгупто, среди них его наиболее известная статья в “Oxford Slavonic Papers” [Dasgupta 1957] и две статьи в бенгальском литературном журнале «Деш». Из этих двух Х. Мамуд особо выделяет первую, напечатанную в «Деш» в 1955 г. и озаглавленную «Герасим Степанович Лебедев». В отличие от всего

написанного о Лебедеве ранее как на бенгальском, так и на английском языках, эта статья впервые содержит сведения, почерпнутые из русских источников. В частности, Р. Дашгупто приводит здесь текст письма Г.С. Лебедева генерал-губернатору Джону Шору с просьбой приказать капитану корабля «Лорд Тёрлоу» принять его на борт в качестве «частного пассажира», которое, как известно, хранится в архивном фонде семьи князей Вяземских¹⁶. Автор статьи обнаруживает знакомство и с «Грамматикой», и с «Беспристрастным созерцанием». Но наиболее важным нам вслед за Х. Мамудом представляется то, что Р. Дашгупто прямо ставит в этой статье вопрос: «Можем ли мы считать Лебедева отцом-основателем бенгальского театра, или нет?» Он сам и отвечает на этот вопрос: «Взвесив все факты, я полагаю, что мы вправе считать Лебедева основателем бенгальского театра». Ближе к концу статьи Р. Дашгупто также пишет: «Я убежден, что пьеса, им поставленная, — это истинно бенгальская пьеса, и театр, им созданный, — это истинно бенгальский театр» [Мамуд 2012: 88–89].

Статья в “Oxford Slavonic Papers” содержит перепечатку нескольких объявлений о концертах и представлениях театра, опубликованных в “Calcutta Gazette”, но в целом посвящена Лебедеву как индологу. Опираясь на русские источники, автор приходит к выводу, что «именно лебедевский интерес к изучению индийских языков и опубликованный им материал положили начало индологии в России» [Dasgupta 1957: 14].

В 1961 г. Р. Дашгупто поместил вторую статью на бенгальском в журнале «Деш», которую Х. Мамуд характеризует как расширенный вариант его статьи в “Oxford Slavonic Papers”. Здесь со всей очевидностью засвидетельствовано знакомство автора с публикацией К.А. Антоновой 1956 г. в «Историческом архиве», поскольку Дашгупто воспроизвел некоторые фотографии лебедевских рукописей. Как и в статье на английском, Дашгупто поместил здесь иллюстрацию из «Беспристрастного созерцания» с изображением богини Дурги. Хаят Мамуд, как, вероятно, и сам Дашгупто, ошибочно полагал, что это рисунок самого Лебедева [Мамуд 2012: 89]. Однако рисунки, иллюстрирующие «Беспристрастное созер-

---

¹⁶ Хаят Мамуд называет это письмо «хранящимся в воронцовском архиве».

цание», не принадлежат Лебедеву. Из двух рисунков, изображающих, согласно Лебедеву, богиню, лишь на первом действительно представлена Дурга (происхождение этого рисунка нам неизвестно). Во втором же случае Лебедев использовал, развернув по горизонтали, старую гравюру Бернара Пикара (Bernard Picart, 1673–1733) из его знаменитого труда *Cérémonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde*, изображавшую Шиву. (Обе иллюстрации из книги Лебедева и гравюру Пикара см. ил. 37–39.)

Первые статьи Р. Дашгупто (Р.К. Дасгупты) знаменуют собой начало нового периода. Политическое и экономическое сближение двух стран имело важные следствия для науки и культуры. В частности, стал возможен обмен книгами и научной информацией, а также поездки индийских ученых в СССР и некоторых советских — в Индию. С этого времени в статьях бенгальских авторов все чаще встречаются ссылки на статьи советских исследователей и даже на рукописи, хранящиеся в российских архивах.

Расширению и углублению тематики лебедевских исследований в Индии способствовала и изданная в Калькутте Обществом индо-советских культурных связей книга английского историка марксистского направления Филлис Мэри Кемп (Ашраф) «Бхарат — Русь: введение в историю индо-российских связей и путешествий от Средневековья до Октябрьской революции» [Кемп 1958]. Будучи супругой историка-марксиста Кунвара Мухаммада Ашрафа, Ф.М. Кемп в 1950-х годах работала в Индии¹⁷. В ее книге главы IX–XIX (с. 119–183) посвящены Г.С. Лебедеву. Как профессиональный историк хорошей европейской выучки, она, конечно, не могла согласиться с тем, что в большинстве индийских работ значение Лебедева сводилось лишь к его театральной деятельности [Кемп 1958: 119–120]. Она была знакома в некоторой мере с русской литературой о Лебедеве и хорошо представляла себе его значение как распространителя знаний об индийской культуре в Европе и в России¹⁸, как первопроходца в изучении новоиндий-

---

¹⁷ Впоследствии профессор Университета Гумбольдта в Восточной Германии (ГДР).

¹⁸ «По возвращении в Европу он заявлял не об отсталости Индии и не о потребности ее в миссионерах, но о ее вкладе в [мировую] цивилизацию» [Кемп 1958: 134].

ских языков, а также как яркого и последовательного выразителя идей, характерных для европейского Просвещения. Х. Мамуд в своей книге цитирует «доктора Шунитикумара Чоттопадхая» (выдающегося индийского ученого, более известного в мире как Сунити Кумар Чаттерджи; см., напр.: [Чаттерджи 1977]), в 1963 г. написавшего в своем предисловии [Chatterji 1963] к переизданию в Индии лебедевской «Грамматики» [Lebedeff 1963]: «Что касается Лебедева, то наиболее полным и достоверным источником по этой теме до сих пор остается книга мадам Кемп. В ее подробном исследовании содержится обширный материал о нем как об ученом, как о мыслителе, как о фигуре мирового масштаба» (цит. по: [Мамуд 2012: 97]). Сам Х. Мамуд пишет в своей книге: «Пожалуй, по точности, полноте и тщательности научного анализа интересующего нас материала эту книгу (Ф.М. Кемп) следует поставить на первое место» [Там же].

Необходимо, правда, отметить, что Ф.М. Кемп во время написания своей книги была знакома главным образом с дореволюционной русской литературой о Лебедеве. Из поднявшейся в 1955 г. «новой волны» она успела учесть только две англоязычные статьи В.С. Воробьева-Десятовского в журнале ISCUS. Некоторые другие недочеты книги Ф.М. Кемп отметил Х. Мамуд: она, в частности, соединила в одну персону старшего и младшего Аделунгов и не только приписала Ф. Аделунгу авторство «Митридата», но и всерьез восприняла изложенные там сведения о службе Лебедева у Великого Могола. Большое внимание Ф.М. Кемп уделила сотрудничеству Г.С. Лебедева с представителями бенгальской интеллигенции, в мировоззрении которых она усматривала предвосхищение грядущего «Бенгальского Ренессанса». Правдоподобно выглядит ее предположение о том, что именно в общении с ними Лебедев мог проникнуться антипатией по отношению к колониальному режиму, которая, как мы увидим в дальнейшем, и привела его к разрыву с британской элитой Калькутты. Но совершенно необоснованным является ее допущение, что не Лебедев, а именно его сотрудники, «бенгальские драматурги», перенесли действие европейской пьесы на индийскую почву и вообще «полностью переписали текст пьесы» [Кемп 1958: 173]. Эта ошибка была вызвана тем, что Ф.М. Кемп не смогла определить первоисточник,

взятый Лебедевым для перевода, т.е. пьесу Р. Джодрелла, и не была знакома с рукописями лебедевского перевода, которые не оставляют сомнений в том, что переводил он сам и при этом почти дословно, заменяя лишь испанские имена и реалии на индийские.

Немногие недочеты никак не снижают огромной значимости книги Ф.М. Кемп для последующих лебедевских исследований в Индии. Эта книга дала индийскому читателю наиболее полную картину жизни Лебедева и его деятельности в разных аспектах. В ней также дан тщательный и разносторонний анализ содержания главной работы Лебедева — «Безпристрастного созерцания». Книга имела большой успех в Индии и скоро стала библиографической редкостью: когда Хаят Мамуд работал над своей книгой, примерно в начале 1980-х годов, профессор Бихарского университета Нагендра Варма привез ему из Москвы (!) в подарок книгу Ф.М. Кемп, которую, по-видимому, в Калькутте уже было невозможно достать [Мамуд 2012: 42]. В высшей степени положительной была реакция на эту книгу и со стороны российских исследователей, о чем может свидетельствовать, например, рецензия на нее, довольно скоро появившаяся в журнале «Вопросы истории» [Соловьев 1959].

С 1959 г. начинает публиковать свои статьи о Лебедеве индийский филолог Мохадэбопрасад Шаха (Mahadev Prasad Saha). Уже в своей ранней статье «Основатель бенгальской сцены», опубликованной в газете «Шадхинота» от 27 ноября 1959 г., он делает достоянием бенгальской научной общественности новую информацию: Лебедев выбрал “The Disguise” для перевода из шести пьес, вошедших в собрание избранных пьес английского драматурга Ричарда Пола Джодрелла [Jodrell 1787]. Несмотря на то что Х. Мамуд 26 лет спустя высказает сомнение в этом исходя из своей гипотезы о том, что пьесу написал не Ричард Пол, а какой-то другой Джодрелл («М. Джодрелл»), прав, как мы увидим в дальнейшем, именно М. Шаха (или Махадев Прасад Саха).

Несколькими годами позже Махадев Прасад Саха внес весомый вклад в дело изучения лебедевского наследия, переиздав в Индии лебедевскую «Грамматику» [Lebedev 1963]. Теперь индийские читатели могли из первых рук получить рассказ Г.С. Лебедева о своей жизни в Индии до момента его отъезда из Калькутты (правда,

с умолчанием о неприятностях, побудивших его к отъезду). Они могли также непосредственно убедиться в том, что Г.С. Лебедев, встав на сторону своих бенгальских учителей, настаивал на том, что бенгальское произношение санскрита является единственно правильным, тем самым выступив против Азиатского общества и покойного Уильяма Джонса, которые усвоили северное («бена-ресское») произношение, ставшее затем общепринятым в мировой индологии.

Предисловие к переизданию, подготовленному М.П. Саха, написал крупнейший индийский лингвист, уже упоминавшийся Сунити Кумар Чаттерджи. Он отнесся к «Грамматике» Лебедева как к сочинению, изобилующему ошибками в силу «чрезмерного доверия» автора к «недостаточно компетентному информанту». Но в то же время, писал С.К. Чаттерджи, «труд этот имеет определенную ценность, и значение его преимущественно историческое. Проницательный исследователь обнаружит здесь полезную информацию о том, как бенгальцы и другие жители Калькутты использовали базарный хиндустани, особенно в общении с европейцами. Эта книга займет подобающее место в индологии как вклад в изучение базарного хиндустани, настоящего *Lingua Franca* для индийцев, говорящих на индоарийских языках» [Chatterji 1963: XXVII; Мамуд 2012: 261].

Взгляд на «Грамматику» Лебедева как на памятник, зафиксировавший калькуттский базарный хиндустани конца XVIII в., был в те годы представлен в работах ленинградского индолога-филолога Г.А. Зографа [Зограф 1961; 1963].

Индийское переиздание «Грамматики» предваряла, наряду с вышеупомянутым лингвистическим «Предисловием» Сунити Кумара Чаттерджи, еще и большая статья самого Махадева Прасада Саха «Герасим Степанович (Steppanovich) Лебедев» [Saha 1963]; последняя содержала краткий обзор ранних русско-индийских культурных связей, излагала биографию Лебедева и давала высокую оценку его деятельности.

В конце 1950-х годов в обсуждение лебедевского наследия включился еще один бенгальский ученый: доктор Модонмохон Гошсами (Madanmohan Goswami) с кафедры бенгальского языка и литературы Джадобпурского университета (Jadavpur University).

Как сообщает Х. Мамуд, именно Модонмохону Гошшами Сунити Кумар Чаттерджи (Шунитикумар Чоттопаддхая) передал микрофильм, сделанный им во время пребывания в России в 1956 г. с московской рукописи лебедевского перевода пьесы “The Disguise”. Сначала М. Гошшами (Госвами) выступил на семинаре с докладом «Первая бенгальская сцена», в котором предпринял критический анализ этой пьесы. Доклад был опубликован в сборнике научных сообщений Джадобпурского университета за 1959–1960 гг. А в 1963 г. тот же автор впервые не только в Индии, но и в мире издал бенгальский текст лебедевского перевода. В том, что был использован текст именно московской рукописи, убеждает бенгальский перевод названия “The Disguise”: «Калпоник шонбодол» («Обманчивая внешность»). В рукописи Российской национальной библиотеки в Петербурге, как мы можем увидеть, название короче: «Калпоник» (по сути это прилагательное: «Обманный», «Мнимый»).

Можно только присоединиться к критике, которой подверг эту публикацию М. Гошшами (Госвами) в своей книге Х. Мамуд. Дело в том, что М. Гошшами отредактировал лебедевский текст. Те места перевода, в которых он усмотрел ошибки Лебедева или которые считал не очень понятными читателю, он заменил собственным текстом. «Исправленные» фразы М. Гошшами отмечал диакритическим знаком *вирам* (подстрочная наклонная черточка), при этом, по собственному признанию, в своем переводе он «не пытался дословно передавать английский подлинник». М. Гошшами внес в бенгальский текст целый ряд «исправлений, дополнений, незначительных изменений и сокращений». В результате, как пишет Х. Мамуд, «узнать, где лебедевский перевод неточен, а также какого рода ошибки им допущены, не представляется возможным. Это достойно сожаления, ибо подобные сведения помогли бы глубже понять образ мыслей Лебедева, его характер, склонности и вкусы. Проведя “редактирование” текста, господин Модонмохон Гошшами нанес ему невосполнимый ущерб» [Мамуд 2012: 95]. Действительно, столь вольное обращение с текстом памятника недопустимо в издании, претендующем на статус научного.

На протяжении 1960–1970-х годов в бенгальской прессе время от времени появлялись статьи о Лебедеве¹⁹. Все они перечислены в книге Х. Мамуда, в его библиографическом списке [Мамуд 2012: 63–65]. Но главным событием этого периода стало появление первой не только в Индии, но и в мире монографии, посвященной Лебедеву: книги Оруна Шаннела «Бенгальская культура и Лебедев (Бангали шонскрити о Лебедеф)», вышедшей в Калькутте в 1972 г. Эта книга, по заключению Х. Мамуда, «написана добросовестно, с искренним желанием разносторонне осветить деятельность Лебедева, за что мы глубоко признательны автору». Однако О. Шаннел не знал русского языка, «поэтому полной информацией обладать не мог. Это более всего отразилось на той части его сочинения, где речь идет о биографии Герасима Степановича, там верно далеко не все» [Мамуд 2012: 96]. В частности, к реальным биографическим данным о Лебедеве в монографии О. Шаннела оказались примешанными вымышленные имена и истории из романа В.А. Смирновой-Ракитиной «Герасим Лебедев» [Смирнова-Ракитина 1959].

Недостаток, проявившийся в работе О. Шаннела, — слабое знакомство с российскими и советскими исследованиями лебедевских материалов по причине незнания русского языка — был присущ до некоторого времени всем индийским исследованиям, тематически связанным с фигурой Г.С. Лебедева. Исправить положение могло только появление специалиста, который был бы способен синтезировать в своей работе достижения индийской и российской традиций. Таким уникальным специалистом и стал Хаят Мамуд.

В отличие от своих предшественников, он начинал как специалист по русскому языку, для совершенствования в котором в 1969 г. приехал на стажировку в Ленинградский государственный университет. Здесь молодой бенгальский славист и заинтересовался Г.С. Лебедевым. Впоследствии Х. Мамуд приезжал в СССР еще дважды, проведя в стране в общей сложности около шести лет.

---

¹⁹ В том числе статья Х. Мамуда «Лебедев: его грамматика восточных диалектов (Лебедеф: тано пурбобхароти анчолик бэкорон)» в журнале «Бангла экадеми потрика» (1971, вып. 16, № 1, с. 1–26).

Ему посчастливилось общаться со специалистами, которые своими работами внесли значительный вклад в изучение лебедевского наследия: К.А. Антоновой (Москва) и Г.А. Зографом (Ленинград). В архивных и библиотечных поисках ему содействовали бенгалисты Е.М. Быкова (Москва) и В.А. Новикова (Ленинград), индолог-литературовед С.Д. Серебряный (Москва). В итоге в поле зрения Х. Мамуда оказались почти все лебедевские материалы советских архивов и почти все исследования по лебедевской тематике, проведенные в России и СССР к началу 1980-х годов.

Однако осуществленный Х. Мамудом синтез бенгальской и российской исследовательских школ не сводился только к расширению базы используемых данных. В его монографии многое свидетельствует о том, что он усвоил в России и определенные навыки архивной работы, и, главное, методы критики источников, которые сделали выводы его работы гораздо более весомыми, чем заключения его предшественников. Впрочем, надо иметь в виду, что и Джадобпурский (Джадавпурский) университет г. Калькутты, при кафедре сравнительного изучения литератур которого Х. Мамуд с 1979 г. состоял диссертантом-соискателем, известен в Индии и в мире своей приверженностью современным методологиям.

Начав поисковую работу в архивах и библиотеках России, Х. Мамуд затем продолжил ее в Калькутте, где ему удалось обнаружить ряд документов и статей из современных Лебедеву калькуттских газет. Он был также первым из исследователей биографии Лебедева, кто нашел в Мемориальном музее королевы Виктории в Калькутте и исследовал дневники одного из покровителей Лебедева, судьи Джона Хайда²⁰. Совершив поездку в Лондон, он изучил в библиотеках Британского музея и Департамента по делам Индии подшивки старых калькуттских газет, содержащих ранее не публиковавшиеся данные о Г.С. Лебедеве.

Монография Мамуда, вышедшая в 1985 г. в столице Бангладеш Дакке, стала высшим свершением бенгальской школы лебедевских штудий и во многих отношениях остается непревзойденной

---

²⁰ В некоторых источниках ранее указывалось, что эти дневники хранятся в библиотеке калькуттской Коллегии адвокатов (Bar Library).

до сих пор. Недаром в последующие годы она была дважды переиздана: в 1995 г. в Калькутте и в 2010 — снова в Дакке.

Исключительная ценность для нас книги Х. Мамуда состоит еще и в том, что она предоставляет в наше распоряжение тексты объявлений о концертах Лебедева и спектаклях его театра, рецензии на них и другие материалы из калькуттских газет того времени. До знакомства с книгой Х. Мамуда мы могли пользоваться в основном лишь документами, копии которых сохранились в бумагах самого Лебедева²¹. Благодаря Х. Мамуду мировой фонд лебедевских документов пополнился газетными материалами из архивов Колкаты и Лондона.

Всем лебедевским штудиям в Индии естественным образом свойственна сосредоточенность на роли Лебедева в создании нового индийского театра и на тексте его бенгальского перевода-переложения пьесы «The Disguise». Хаят Мамуд не исключение: в его книге мы находим детальнейший сопоставительный анализ имеющихся рукописных версий лебедевской пьесы. Знакомство с соответствующими разделами работы Х. Мамуда полезно для российских индологов, поскольку этот аспект лебедевского наследия у нас пока наименее изучен. В то же время некоторые выводы Х. Мамуда мы можем и оспорить, в частности о том, как соотносятся во времени московская и петербургская рукописи «Притворства».

В ряде случаев Х. Мамуд, как человек, прекрасно знающий историю и культуру старой Бенгалии, без труда смог скорректировать чтение и понимание отдельных мест в лебедевских текстах, опубликованных российскими индологами. Например, из одного нашего издания в другое переходил перевод слов Лебедева в его «Меморандуме» “On the Snow then returning from Malacca... we arrived in the River Ganges” как «На “Сноу” (или: «на корабле «Сноу»), возвращавшемся из Малакки... мы прибыли к реке Гангу» [Антонова 1956: 164; Воробьев-Десятовский 1956: 43; Русско-индийские отношения 1965: 436; Ваняшова 2000: 182]. То

---

²¹ Лишь начиная с 2010 г. нам удалось найти в зарубежных архивах ряд новых, не учтенных Х. Мамудом лебедевских материалов в калькуттских и лондонских газетах.

есть Snow понимали как название корабля: «Снежок». В действительности, как справедливо заметил Хаят Мамуд, «сноу» (snow) в английском морском жаргоне и в «англо-индийском» диалекте того времени обозначало особый вид небольшого торгового судна.

Составив весьма полный свод данных о жизни и деятельности Г.С. Лебедева в Калькутте, Х. Мамуд оказался в состоянии сделать хорошо обоснованный и очень важный вывод относительно истинной причины злключения Лебедева в последние годы его пребывания в Калькутте. До недавнего времени и индийские, и российские ученые считали основной причиной обрушившихся на Лебедева преследований боязнь конкуренции со стороны «Бенгальского театра», которую испытывали руководители и влиятельные пайщики английского «Калькуттского театра». С полным на то основанием Х. Мамуд утверждает: бесконечная череда провокаций, ложных обвинений, вызовов в суд по делу о взыскании несуществующих долгов была организована настолько тщательно, что это не могло быть инициативой каких-либо театральных деятелей. Скорее всего, за этим стояли британская администрация Бенгалии и действовавшая при ней секретная служба (Secret Department). Деятельность Лебедева, направленная на сближение и солидарность в культурных вопросах с индийцами, в глазах властей должна была выглядеть странной и возмутительной. Согласно предположению Х. Мамуда, они, по-видимому, подозревали Лебедева в шпионаже. «Если бы у них на руках имелись хоть какие-то доказательства его шпионской деятельности, — пишет Х. Мамуд, — то им бы ничего не стоило устроить над ним суд и добиться сурового приговора или же, по меньшей мере, принудительно посадить на корабль и отправить в Европу. У меня такое впечатление, что полное отсутствие каких-либо доказательств шпионской деятельности Лебедева при абсолютной уверенности компании в том, что Лебедев — шпион, поставило англичан в довольно затруднительное положение. Выдворить его из страны на законных основаниях они не могли, но и терпеть его в Калькутте тоже не желали. Тогда они прибегли к самому подлому способу — травле. Своими нападкамии, полным отказом в какой-либо помощи они запугали Лебедева настолько, что ему не оставалось ничего другого, как покинуть Индию» [Мамуд 2012: 140].

В качестве косвенного подтверждения своей гипотезы Х. Мамуд удачно ссылается на исторически первый подъем антирусских настроений в британской элите во время так называемого Очаковского кризиса (1792), что могло несколькими годами позже отозваться и в Калькутте. Представляется также весьма важным тот впервые установленный Мамудом факт, что менеджер «Калькуттского театра» Томас Роуворт, игравший в интриге, затеянной против Лебедева, одну из ключевых ролей, по крайней мере перед своим отъездом в Индию, в 1790 г., определенно числился сотрудником британской секретной службы. Немаловажны и приводимые Мамудом данные, свидетельствующие об активности в Калькутте времен Лебедева секретной службы, в числе агентов которой был один выходец из России.

Забегая вперед, заметим, что предположение Х. Мамуда об организации травли Лебедева колониальными властями вполне подтверждается новооткрытыми архивными документами.

У книги Х. Мамуда есть лишь один изъян, в котором автор не повинен. Книга вышла в 1985 г., а написана была, по-видимому, несколькими годами раньше. Хронологически организованный список научной литературы, на которую ссылается автор, обрывается на самом начале 1980-х годов. Источники на русском языке вообще заканчиваются на своде лебедевских документов в книге «Русско-индийские отношения в XVIII веке», изданной в 1965 г. При переизданиях 1995 и 2010 гг. никаких существенных изменений в книгу, насколько мы можем судить, не вносилось. Очевидно, вне поля зрения Х. Мамуда оказались все исследования российских ученых на «лебедевскую» тему за более чем четверть века, истекшую со времени выхода в свет первого издания.

По-видимому, Х. Мамуду не позволяла вернуться к лебедевской теме его интенсивная многосторонняя деятельность как поэта, писателя, литературного критика и филолога. Отчасти здесь повинны, возможно, и внешние обстоятельства. После распада СССР на какое-то время ослабли развивавшиеся и укреплявшиеся на протяжении десятилетий русско-индийские культурные и научные связи, значительно сократился обмен научной литературой. Поэтому все новое о Герасиме Лебедеве, что было открыто за этот период российскими исследователями, просто не могло прийти до

Х. Мамуда. По этой же причине и его книга пришла к нам с опозданием более чем на четверть века.

Но в самой Индии книга Хаята Мамуда безусловно вывела лебедевские исследования на новый уровень. Через ее посредство индийские авторы ознакомились с русскими источниками, в результате чего освещение жизни и деятельности Лебедева в их трудах стало более многосторонним. Утвердилось сознание того, что без использования русских исследований о Г.С. Лебедеве картина его деятельности не может быть полной.

Образцом этого нового подхода может служить третья индийская монография о Г.С. Лебедеве: книга Алоке Кумара Чакраборти «Друг Индии — Лебедев» (Бхаратпремик Лиебедеф. Каликата, 1989)²². Здесь к кругу источников из России, таких как, например, «Африканский дневник», добавляется не успевшая отразиться в монографии Х. Мамуда книга Г.М. Бонгард-Левина и А.А. Вигасина “The Image of India: The Study of Ancient Indian Civilisation in the USSR” («Образ Индии: изучение древнеиндийской цивилизации в СССР»), изданная на английском языке в Москве в 1984 г. А.К. Чакраборти целиком воспроизвел из этой книги раздел о Г.С. Лебедеве, написанный А.А. Вигасиным, где, в частности, поднимается вопрос о причинах, побудивших Лебедева последовательно интерпретировать индуизм как особого рода христианство [Bongard-Levin, Vigin 1984: 42–44]. Русскоязычные лебедевские документы Чакраборти приводит в бенгальском переводе, а объявления о концертах Лебедева и спектаклях его театра из калькуттских газет, переписку с судебными инстанциями и тексты из «Африканского дневника» воспроизводит на английском, как они и были написаны. В приложении помещены английские тексты лебедевского «Меморандума» и предисловия к «Грамматике», а также бенгальский текст «Притворства» в одноактном варианте, предназначавшемся для первого представления, и в полном, трехактном варианте.

Еще одна бенгальская монография о нашем герое известна нам, к сожалению, только по упоминаниям о ней в ярославском

---

²² Название может быть также понято как «Влюбленный в Индию Лебедев» или «Патриот Индии — Лебедев».

издании «Безпристрастного созерцания» [Лебедев 2009: 112]. Называется она просто «Герасим Лебедев», автор — Ч.Р. Гхош. Книга издана в Колкате, год издания не указан, объем — 120 страниц. Экземпляр хранится в Музее истории города Ярославля, очевидно, подарен музею автором.

В контексте бенгальской традиции следует рассматривать и уже упоминавшуюся книгу известного актера, режиссера, теоретика театра Судипто Чаттерджи, посвященную театру в колониальной Калькутте. Книга написана на основе диссертации, защищенной автором в Университете Нью-Йорка, впоследствии С. Чаттерджи стал профессором британского Университета Лафборо (Loughborough University) и все эти годы постоянно ездил в Индию. По собственным его словам, он житель сразу трех континентов²³. Его книга, опубликованная издательством “Seagull Books”, вышла одновременно в Лондоне, Нью-Йорке и Колкате. В ней, разумеется, есть глава, в которой идет речь о Г.С. Лебедеве и его «Бенгальском театре» [Chatterjee 2007: 25–36]. Здесь благотворно сказывается влияние книги Хаята Мамуда, хотя в одной мелочи автору лучше было бы ей не следовать: вслед за Х. Мамудом Чаттерджи атрибутирует пьесу “The Disguise” мифическому «М. Джодреллу».

Гораздо важнее, однако, то, что, по мнению С. Чаттерджи, именно после второго представления «Притворства» на Лебедева обрушились преследования. Он приводит точку зрения Х. Мамуда, предположившего, что колониальные власти могли заподозрить Лебедева в шпионаже, но выдвигает и сам правдоподобную гипотезу о причине преследования Лебедева англичанами. С. Чаттерджи полагает, что тут сказались усилившиеся к концу XVIII в. расистские настроения британской элиты, глубоко презиравшей культуру «черных» жителей Калькутты. Раздражение у них могло вызвать уже то, что «туземцы» представляют свои «вульгарности» на сцене театра европейского типа [Chatterjee 2007: 35]. Мы предложим впоследствии свое объяснение связи между вторым спектаклем «Бенгальского театра» и последовавшей за ним травлей Лебедева. Оно покажет, что гипотезы, пред-

---

²³ В настоящее время С. Чаттерджи живет и работает в Индии.

ложенные Х. Мамудом и С. Чаттерджи, не отменяют, а дополняют одна другую.

Нельзя не сказать здесь и о книге А. Мукхопадхья «Индия в русском ориентализме» [Mukhopadhyay 2013]. Ее автор — профессор Калькуттского университета, разносторонний ученый: политолог, специалист по международным отношениям, культуролог, литературовед. В книге А. Мукхопадхья Г.С. Лебедев рассматривается в ряду других русских путешественников и ученых, оставивших дневники или описания своих поездок в Индию, от купца Афанасия Никитина до профессора И.П. Минаева. К каждому из них примеривается концепция ориентализма, выдвинутая в свое время Э. Саидом, который понимал ориентализм как востоковедение, обслуживавшее интересы колониальных держав. Но если, например, И.П. Минаева, совершавшего свои поездки в Индию по заданию военного ведомства [Вигасин 2008: 161–191], еще можно заподозрить в причастности к геополитической «Большой игре», то вся деятельность Г.С. Лебедева была по своему духу абсолютно противоположна тому, что принято понимать под термином «ориентализм». Позиция А. Мукхопадхья по этому вопросу совпадает с точкой зрения, которой придерживаются и российские ученые.

Новое слово в изучении театральной деятельности Г.С. Лебедева сказано недавней статьей профессора Делийского университета Шормиштой Панджа [Panja 2014]. Статья посвящена трем новаторам, которых автор называет «путешественниками на индийской сцене»: Лебедеву, Джоффри Кендалу и Утпалу Датту, но Лебедеву уделено больше всего внимания. Надо признать, что Ш. Панджа, по-видимому, не знакома с книгами Х. Мамуда и А.К. Чакраборти. Из предшественников она ссылается главным образом на «Индийский театр» Х. Дас Гупты [Das Gupta 1934], на книгу Ф.М. Кемп [Kemp 1958], а также на второе калькуттское переиздание «Грамматики» Лебедева с сопроводительной статьей к ней П.Т. Наира [Nair 1988]. Поэтому в статье появляется, например, упоминание о мифическом директорстве Лебедева в «театре Великого Могола» или о том, что его «Бенгальский театр» якобы был уничтожен пожаром. Но все это окупается глубоким пониманием театрального новаторства Г.С. Лебедева и тех чувств, умонастроений, мотивов, которые им руководили.

Ш. Панджа отмечает прекрасное знание Лебедевым потребностей и вкусов бенгальцев. Среди калькуттских индийцев народился многочисленный «средний класс», который, с одной стороны, бенгальская знать не приглашала на свои домашние музыкально-танцевальные представления, с другой стороны, англичане не допускали в свой «Калькуттский театр», а традиционные мистериальные представления, *джатры*, богатые калькуттцы посещали редко, считая это зрелище «сельским» и простонародным. Лебедевский театр был единственным театром в Калькутте с этнически неоднородной аудиторией. Англичан притягивала к нему возможность увидеть экзотическое представление на бенгальском и в исполнении бенгальцев, а индийцам здесь предоставлялся случай приобщиться к запретному для них плоду: театру европейского типа.

Еще одна новация Лебедева, отмечавшаяся и ранее, — это исполнение женских ролей женщинами, а не мужчинами, чего не бывало ни в классических формах индийского театра, ни в мистериях типа джатры. Однако кое-что Лебедев взял и от индийской театральной традиции. Он, например, понял, что индийская аудитория не мыслит театра без пения и музыки, вот почему ввел в спектакль «Индийскую серенаду», в которой соединил звучание индийских и европейских музыкальных инструментов. Наконец, по мнению Ш. Панджа, Лебедев продемонстрировал исключительную степень уважения к бенгальской культуре, включив в состав «Индийской серенады» песни на стихи высокочтимого, популярнейшего бенгальского поэта Бхаротчондро Рая и изготовив собственноручно для спектакля декорации «в бенгальском вкусе».

Шормиштха Панджа не исключает из числа причин, приведших Лебедева к катастрофе, интригу со стороны владельцев «Калькуттского театра», но тут же добавляет: «Возможно, именно нескрываемое сочувствие со стороны белого человека (а Caucasian) делу угнетаемых индийцев побудило представителей британских властей лишить его всякой поддержки. <...> В 1797 г. британцы изгнали его из Индии».

К сожалению, результаты исследований, предпринятых в XXI в. российскими индологами, изучающими наследие Г.С. Лебедева, пока что практически неизвестны в Индии. Индо-российский се-

минар, состоявшийся в Колкате в 2011 г., имел значительные последствия в России, достаточно упомянуть о переводе на русский и издании совместными усилиями петербуржцев и ярославцев книги Хаята Мамуда. Но материалы калькуттского семинара по какой-то причине остались неизданными. Правда, в Калькутте в 2013 г., в университетском издательстве вышел новый бенгальский перевод «Безпристрастного созерцания», выполненный московским индологом Смитой Сенгупта и заведовавшим в то время отделением русского языка в Калькуттском университете Арчаном Саркаром. Но непосредственных контактов и обмена новой информацией между учеными двух стран с 2011 г. практически не было.

Вот почему представляется совершенно необходимой международная (русско-индийская) конференция, посвященная Г.С. Лебедеву. Мы планировали организовать ее в Санкт-Петербурге в 2017 г., в 200-летнюю годовщину смерти Г.С. Лебедева, но в силу ряда обстоятельств придется перенести ее на 2018 г. Результаты конференции должны быть закреплены изданием доступного научной общественности обеих стран сборника статей. Индологам России, изучающим наследие Лебедева, есть чем поделиться с индийскими коллегами. В следующей главе будет дано краткое описание российских исследований жизни и трудов Г.С. Лебедева, ставших особенно интенсивными в первые полтора десятилетия XXI в.

Исследования биографии и трудов Г.С. Лебедева в России в XXI в.

Между «бумом» лебедевских исследований в СССР, который можно считать закончившимся в 1965 г. с опубликованием массы документов в сборнике «Русско-индийские отношения в XVIII веке», и новым подъемом интереса к Лебедеву и его наследию на рубеже тысячелетий прошло около 35 лет. Разумеется,

отдельные исследования, имевшие немаловажное значение, появлялись и в «годы застоя», и в период «перестройки», но эти обращения к лебедевской тематике были разрозненными, их предпринимали одиночки. Только в начале XXI в. наследием Лебедева стали заниматься целые научные коллективы. Впрочем, внезапный взлет интереса к Лебедеву и интенсификация исследований стали возможны именно благодаря подготовившему для них почву накоплению материала отдельными учеными в предшествующий период. Поэтому, прежде чем обратиться к поискам и находкам последних полутора десятилетий, резонно проследить, как постепенно пополнялась информация о Лебедеве усилиями авторов 1970–1990-х годов.

В 1973 г. вышла большая статья о Лебедеве известного музыковеда И.М. Ямпольского, все значение которой раскрывается только сейчас, после некоторых новейших находок. В самом начале статьи И.М. Ямпольский писал о Лебедеве: «Он был первым русским исполнителем, с успехом выступившим не только в Западной Европе, но и в Азии, и в Африке, театральным деятелем, *композитором* и *фольклористом*, оставившим заметный след в истории художественной культуры Индии (курсив мой. — Я.В.)» [Ямпольский 1973: 239]. Утверждение о том, что Лебедев был композитором, основывалось в данном случае лишь на том, что он, по его собственным словам, «сочинял музыку» для интермедий в представлениях «Притворства», так называемую «Индийскую серенаду». О том же, что Лебедев делал записи музыкального фольклора, свидетельствовало, по мнению И.М. Ямпольского, объявленное им по возвращении из Индии в Лондон намерение издать сборник «индостанских и бенгальских арий». Впоследствии мы приведем новые данные, вполне подтверждающие, что Лебедев был и композитором, и пионером этномузыкологии. Немаловажна также информация, приводимая И.М. Ямпольским по картотеке Н.Ф. Финдейзена, о том, что Лебедев был не только виолончелистом, но и скрипачом. Это подтверждается новыми данными.

Установлено, что в последние годы жизни И.М. Ямпольский работал над книгой о Лебедеве²⁴. Но в 1976 г. он скончался, и со-

---

²⁴ См.: Рукописный отдел РИИИ. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 8. Здесь упомянуто письмо Н.Л. Слонимского к И.М. Ямпольскому от 28 июля 1974 г. «О книге

хранилась ли рукопись или подготовительные материалы к книге, сведений нет.

Новый взгляд на жизнь Г.С. Лебедева, особенно в африканский период, и ряд интересных, неожиданных данных представлены были в научно-популярной книге «Зов дальних морей», вышедшей в 1979 г. [Давидсон, Макрушин 1979: 247–274]. Ценность ее состоит, в частности, в том, что обстоятельства жизни и деятельности Лебедева в Южной Африке, описанные в «Африканском дневнике», получили здесь надежный и убедительный исторический комментарий, были помещены в контекст истории Южной Африки, что и неудивительно, поскольку один из авторов книги — известный российский историк-африканист А.Б. Давидсон. Кроме того, авторы приводят некоторые неизвестные по другим источникам сведения о раннем периоде жизни Лебедева. Эти сведения почерпнуты из статьи о Лебедеве, написанной ленинградским музыковедом Г.Ф. Фесечко²⁵. С разрешения автора, предоставившего в их распоряжение свою статью, А.Б. Давидсон и В.А. Макрушин привели и прямые цитаты из нее, и пересказали кое-что своими словами.

К сожалению, Г.Ф. Фесечко не успел при жизни опубликовать свою статью, и где находится сейчас ее рукопись или машинопись, сохранилась ли она вообще, неизвестно. Совершенно неожиданными выглядят такие, например, утверждения: «Смолоду у Лебедева был хороший голос. За то и взяли его в капеллу. А уж там вместе с пением занимался он и на виолончели» [Давидсон, Макрушин 1979: 253]. Расставшись в Вене с Разумовским, Лебедев отправился на гастроли по Европе именно как вокалист: «Лебедев пел, пока не потерял голос в Париже из-за дурной медицинской помощи. Потом только играл на виолончели» [Там же: 251]. Очень жаль, что мы не знаем, откуда Г.Ф. Фесечко взял эту информацию, поскольку он основывал свои выводы обычно на архивных документах. Например, если он писал, что Герасим Лебедев, вопреки

Израиля Марковича о первом (русском) музыканте в Индии. О библиографии к этой работе».

²⁵ Скрипач, участник знаменитого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. В 1943–1944 гг. исполнял обязанности директора Консерватории. Как музыковед занимался русской музыкой XVIII в.

мнению многих предшествующих авторов, никогда не числился в Придворной певческой капелле, то сейчас, когда списки придворных певчих опубликованы [Чудинова 1998], это полностью подтверждается. «Капеллой», в которую взяли Лебедева за его вокальные данные, была, по предположению Г.Ф. Фесечко, домашняя капелла семьи Разумовских [Давидсон, Макрушин 1979: 254].

Сообщение об открытии нового лебедевского текста²⁶ опубликовала в 1981 г. сотрудница Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, историк отечественной науки о Востоке А.М. Куликова. Среди «формулярных списков» сотрудников Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, хранившихся в Архиве внешней политики России (ныне Архив внешней политики Российской империи) она обнаружила «Список Герасима Лебедева», его автограф на двух листах с авторской подписью, по существу краткую автобиографию²⁷. Текст имеет точную дату составления: 3 декабря 1803 г.

Эта «автобиография», изложенная в виде «формулярного списка», вносит ряд ценных уточнений в событийную канву жизни Лебедева. Здесь, например, впервые перечислены страны, в которых он странствовал после отъезда из Вены в 1777 и до появления в Париже в 1782 г. (Австрия, Голландия, Англия). В соответствующей графе конкретно сказано о происхождении его «из древней благородной священнической фамилии Лебедевых», что исключает версию о происхождении Лебедева из крепостных крестьян. Некоторые сообщаемые им в «формулярном списке» данные противоречат сведениям, которые содержатся в других документах. Так, если в «Предуведомлении» к «Безпристрастному созерцанию» Лебедев позднее напишет, что выехал из России в 1775 г. с «посольством к Неаполитанскому двору», то здесь он сообщает, что «в 1775 г. отправился... в чужие края на собственном иждивении, для познания наук и языков». Что касается посольства в Неаполь во главе с А.К. Разумовским, то оно, по надеж-

---

²⁶ О существовании этого документа ранее упоминал И.М. Ямпольский [Ямпольский 1973: 242, примеч. 2], но содержащаяся в нем информация почему-то осталась вне поля внимания исследователей.

²⁷ АВПР (АВПРИ). Ф. 159 «Дела личного состава и хозяйственные документы». Оп. 464. Ед. хр. 1962. Л. 1–2 [Куликова 1981; 2001: 16].

ным историческим данным, выехало из России только в 1777 г. [Васильчиков 1882: 51–53]. Так что возникает вопрос, как связать все эти противоречивые сведения. Указанный Лебедевым в графе о собственности адрес приобретенного им деревянного дома «в Рождественской части в четвертом квартале под № 398» не совпадает с тем адресом, который указала в своем прошении о назначении ей пенсии, поданном в Коллегию иностранных дел, вдова Лебедева Настасья (Анастасия) Яковлевна: «в Рождественской части в 4-м квартале под № 439» [Русско-индийские отношения 1965: 514]. Это объясняется сменой нумерации домов в Рождественской (Рожественской) части, имевшей место в 1804 г. [Воробьев-Десятовский 1956: 59].

Впоследствии сообщение об «автобиографии» Г.С. Лебедева в новой редакции вошло в состав книги А.М. Куликовой «Российское востоковедение в лицах» [Куликова 2001].

Мы уже упоминали книгу Г.М. Бонгард-Левина и А.А. Вигасина «Образ Индии: изучение древнеиндийской цивилизации в СССР», на английском языке, вышедшую в московском издательстве «Прогресс» в 1984 г. [Bongard-Levin, Vigasin 1984]. Раздел о Г.С. Лебедеве, написанный А.А. Вигасиным, сделал доступными исследователям за пределами СССР, прежде всего индийским, документально выверенные сведения о Лебедеве по известным на тот момент русским источникам. Как уже было сказано, А.А. Вигасин впервые детально обсуждает здесь вопрос о причинах того, что Лебедев «постоянно сравнивает религиозные концепции индуизма с христианскими», видит в них божественное Откровение, дарованное индийцам даже раньше, чем европейцам. С одной стороны, по мнению А.А. Вигасина, Лебедев, возможно, сближал индуизм с христианством для того, чтобы избежать конфессиональной предубежденности по отношению к индуизму со стороны своих православных читателей. Но, с другой стороны, согласно приводимому тут же очень пронизательному и глубоко верному замечанию автора, Лебедев в своей «монистической интерпретации индийской религиозной философии» и в ее сближении с христианством был не одинок: сходных идей придерживался Уильям Джонс и многие другие европейцы той эпохи. Более того, эти идеи могли разделять и сотрудничавшие с Лебедевым

представители бенгальской интеллигенции, предвосхищая тем самым идеи Бенгальского Ренессанса, выразителем которых позднее выступил Раммохан Рой [Bongard-Levin, Vigasin 1984: 42–44].

В самом конце этого небогатого лебедевскими публикациями периода или уже в начале нынешнего, изобильного, полезную биографическую статью о Лебедеве, с точными отсылками к архивным фондам поместил в «Словаре русских писателей XVIII века» старший научный сотрудник Библиотеки РАН М.П. Лепехин [Лепехин 1999а]. В этом же томе тем же автором опубликована богатая информацией статья о человеке, причастном к судьбе Г.С. Лебедева, — Сергее Ивановиче Плещееве, морском офицере, друге юности цесаревича Павла Петровича, свидетеле встречи (или встреч) Лебедева с будущим императором [Лепехин 1999б].

С 1998 г. ведется работа по лебедевской тематике на предполагаемой родине «бурборственного путешественника» — в Ярославле. Инициатором выступила историк-архивист и краевед Н.С. Землянская, а организатором общероссийской конференции 1999 г. (к 250-летию со дня рождения) и всей последующей работы по проекту — профессор В.В. Черновская. Годом позже увидела свет книга профессора Ярославского государственного театрального института М.Г. Ваяшовой «Мельпомены ярославские сыны», в которой заключительный раздел посвящен Г.С. Лебедеву [Ваяшова 2000: 177–204].

Работа М.Г. Ваяшовой явилась существенным вкладом в изучение лебедевского наследия, поскольку впервые в России театральная деятельность Лебедева в этой книге была рассмотрена с позиций театроведения. При таком подходе сразу выявились новые интересные факты. Например, описание Лебедевым постройки им своего театра поразительно, до буквальности совпадает с описанием того, как строил свой театр ярославец Федор Волков, в биографии первого русского театрального деятеля, составленной Н.И. Новиковым [Новиков 1772: 36].

Этот факт влечет за собой важные следствия: позволяет, например, предположить, что тяга к познанию окружающего мира и странствиям зародилась у юного музыканта в результате чтения им изданий великого просветителя Н.И. Новикова, в которых, особенно в журналах, систематически публиковались сведения об

Индии [Западов 1956]. Кроме того, если Лебедев знал о деятельности Ф. Волкова из книги, то становится еще менее вероятным его личное знакомство с великим актером, и без того сомнительное, поскольку, когда Волков умер, Лебедеву было всего четырнадцать лет. Как театровед, М.Г. Ваняшова первой из российских исследователей коснулась того, как память о Лебедеве сохранялась в театральном мире Индии XX в. Она приводит слова благодарности Лебедеву известного индийского актера, режиссера и хореографа Таруна Рая, который в 1965 г. поставил в «Театральном центре» города Калькутты спектакль, рассказывавший о жизни и деятельности Герасима Степановича в Индии. Прекрасно принятый индийским зрителем, спектакль «Лебедев» «показывался свыше трехсот дней по четыре раза в день» [Ваняшова 2000: 204].

Очень важный и ранее неизвестный лебедевский документ был опубликован в 2002 г. П.А. Дружининым. Это письмо от 11 июня 1801 г., еще из Лондона, князю А.Б. Куракину, в котором Лебедев с подробностями вспоминает о том, как они вместе путешествовали в свите цесаревича Павла от Парижа до Монбельяра, где Лебедев «был определен ободрениями... великих Российских Государей (т.е. Павла Петровича и Марии Федоровны. — *Я.В.*)» к собиранию в Индии сведений о местной культуре [Дружинин 2002: 185–194]. Этот документ вкупе с письмами Лебедева к А.А. Самборскому и С.И. Плещееву, тоже сопровождавшим Павла в его путешествии, лишает всякого правдоподобия предположение Ф.М. Кемп (к сожалению, повторяемое многими) о том, что Лебедев якобы выдумал эпизод встречи с Павлом, чтобы снискать благорасположение Александра I ссылками на доброе к себе отношение его отца.

В 2005 г. по инициативе и под руководством Н.В. Гурова группа петербургских индологов (Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков, Е.Р. Крючкова) приступила к работе по проекту «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817)» (грант РФФИ № 05-03-03322). За три года исследований удалось сделать немало, в частности ввести в научный оборот целый ряд лебедевских архивных материалов, которые ранее даже не были правильно идентифицированы или оставались известны лишь по названиям. Так, в лебедевской тетради из архива П.П. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6081) среди материалов, относящихся-

ся к задуманному Лебедевым русско-бенгальско-«индостанскому» разговорнику, был выявлен связный текст, представляющий собой перевод с английского на русский, бенгальский и «индостанский» ряда стихов из библейской «Книги Екклезиаста». Как установил Н.В. Гуров, этот текст, относящийся к 1790–1795 гг., представляет собой самый ранний образец перевода текста из Ветхого Завета на новые индоарийские языки [Гуров 2006].

Выяснилось также, что первая часть двухчастной «математической» рукописи из Архива востоковедов в Институте восточных рукописей РАН, озаглавленная «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания арифметики...» (АВ ИВР РАН, ф. 90, № 2 — 1226/2), содержит сжатое описание религиозно-философского учения индуизма, включая частичный пересказ «Бхагавадгиты» [Васильков 2006].

Изданное Лебедевым в виде брошюры небольшое стихотворение, записанное бенгальским шрифтом, транскрибированное в кириллице и переведенное на русский, ранее было определено М.Г. Альтшуллером как «бенгальские стихи», предположительно принадлежащие Бхаротчондро Раю [Альтшуллер 1963: 127]. В действительности, как выяснилось, языком стихотворения является санскрит, и принадлежит этот известный текст («Мохамудгара» — «Молот, [дробящий] заблуждение») великому индийскому философу и религиозному реформатору Шанкаре (Шанкара-ачарье), жившему на рубеже VIII–IX вв. Перед нами, таким образом, не только, как писал М.Г. Альтшуллер, «первая в России попытка напечатать произведение индийской художественной литературы, переведенное с языка оригинала», но и первый русский перевод непосредственно с санскрита [Васильков, Гуров 2007].

Е.К. Бросалина в период работы над грантовым проектом приняла исследование лебедевского перевода с бенгальского поэмы крупнейшего бенгальского поэта первой половины XVIII в. Бхаратчондро Рая «Биддешундор» («Бидде и Шундор» — по именам героини и героя, допустим также перевод «Красота познания / учености») ²⁸. В ходе текстологического анализа выяснилось, что

---

²⁸ Точнее сказать, «Биддешундор» — это средняя часть в трехчастной поэме Бхаратчондро Рая «Оннодамонгол» («Поэма о благодарении [богине] Онноде»).

избранный Лебедевым для перевода текстовой вариант не совпадает ни с одним из опубликованных до сих пор вариантов поэмы. На основании этого Е.К. Бросалина выдвинула предположение, которое наверняка очень заинтересует бенгальских исследователей: перевод Лебедева, по-видимому, «сделан на основании одного из списков, использовавшихся в качестве сценариев для представлений народной драмы в Калькутте того времени. Издание рукописи Г.С. Лебедева в силу этого будет интересно как публикация неизвестного до сих пор варианта классического произведения бенгальской литературы XVIII в.» [Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 354–356].

В тот же период Е.Р. Крючкова выявила среди бумаг Лебедева грамматического и лексикографического характера в фонде Вяземских подготовительные материалы к планировавшейся (но, к сожалению, так и не написанной) грамматике бенгальского языка (РГАЛИ, ф. 195, ед. хр. 6081 и др.). Эти материалы характеризуют Лебедева как первопроходца, вынужденного изобретать собственную терминологию для обозначения по-русски различных грамматических явлений. Для характеристики различных видовременных форм глагола он использовал, например, такие термины, как «таперешнее», «минувшее несовершенное», «давно исполненное» и «уповательно исполненное» [Крючкова 2007: 195–197]. О хранящихся в том же архиве подготовительных заметках на русском языке к грамматическому описанию «калькуттского хиндустани» Н.В. Гуров, обнаруживший в них сходную терминологию, писал: «Мы можем теперь с абсолютной точностью сказать, когда в нашей науке были сделаны первые шаги к созданию метаязыка индоарийской лингвистики» [Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 358].

С результатами деятельности группы в 2005–2007 гг. можно ознакомиться на сайте Института лингвистических исследований РАН, где помещены в формате PDF тексты основных работ Г.С. Лебедева и статьи о нем участников проекта.

Успешно завершив проект, его участники продолжали и в последующие годы работать с лебедевскими материалами. Одним из основных направлений стало на этом этапе изучение мировоззрения Г.С. Лебедева. Предстояло найти убедительное объяснение

своеобразной интерпретации Лебедевым индуизма как некоего «первоначального христианства», восходящего непосредственно к Откровению, которое дано было при сотворении мира первочеловеку. Прежним попыткам объяснить эту интерпретацию либо хитростью Лебедева (пытавшегося будто бы замаскировать нехристианскую сущность индуизма), либо его беспредельной наивностью не доставало, на наш взгляд, убедительности. Последнюю из этих двух точек зрения косвенным образом поддерживает, к сожалению, и Х. Мамуд. Он объясняет сближение Лебедевым индуизма с христианством тем, что Лебедев видел в индуизме и в родном для него русском православии сходные проявления религиозно-мифологического мышления, что он нашел индийцев такими же «ленивыми и богобоязненными», «непритязательными, безынициативными и во всем полагающимися на волю Божию, как русские²⁹» [Мамуд 2012: 245–247].

Более близким к истине представляется нам мнение Ф.М. Кемп, которая считала, что стремление Лебедева сблизить индуизм с христианством базируется на его убеждении в изначальном единстве человеческого рода, а это убеждение, в свою очередь, восходит к «некоторым тенденциям (в идеологии) Просвещения XVIII века» [Кемп 1958: 151].

Конкретизировать ту мировоззренческую тенденцию в рамках Просвещения, которой следовал Г.С. Лебедев, впервые удалось Н.В. Гурову (1935–2009)³⁰. В своих последних, посмертно изданных статьях [Гуров 2010; 2013]³¹ он сосредоточил внимание на идеях, разделявшихся кругом лиц, которые, судя по всему, направили Лебедева в Индию и которым он писал оттуда письма. Все эти люди, окружавшие цесаревича Павла Петровича во время

---

²⁹ Заметим, что Х. Мамуд черпает этнопсихологическую характеристику русских и вообще славян из книг пристрастных западных историков 1970-х годов, таких как Тимоти Уэар (Timothy Ware) и Ричард Пайпс. Притом эта характеристика относится к средневековому обществу или к околоцерковным кругам более позднего времени, но никак не к просвещенным представителям высшей дворянской элиты второй половины XVIII в., в круг которых, как мы увидим, был вхож Г.С. Лебедев.

³⁰ См. о нем: [Васильков 2013].

³¹ При жизни Н.В. Гурова были опубликованы тезисы доклада на эту тему: [Гуров 2009].

его поездки по Европе в 1782 г., были, подобно многим другим представителям российской и европейской знати того времени, «вольными каменщиками», т.е. принадлежали к религиозному (в отличие от скептически-материалистического, вольтеровского) масонскому крылу Просвещения. Они декларировали единство человечества, равенство всех людей и всех народов, общее происхождение всех религий. Особое внимание при этом уделялось индийской религии, сохранившей, как полагали, лучше многих других суть Откровения, дарованного некогда Богом первочеловеку Адаму.

Никита Владимирович Гуров скончался 4 декабря 2009 г., в канун отъезда возглавляемой им петербургской группы индологов на конференцию по Лебедеву в Ярославле с участием индийских ученых. Но он успел передать коллегам свою увлеченность лебедевской тематикой. Члены группы продолжили и продолжают по сей день исследование биографии и деятельности Г.С. Лебедева. Я.В. Васильков первоначально двигался в направлении, намеченном Н.В. Гуровым, изучая истоки мировоззрения Г.С. Лебедева, прослеживая его личные и идейные связи.

Удалось установить, что не только в России, но и в Индии, в Калькутте Лебедев был в ранний период своего пребывания там связан с видными деятелями местной масонской общины, которые покровительствовали его концертной деятельности [Васильков 2010б; 2011; Vassilkov 2011]. В библиотеках и архивах были проведены поиски по старым калькуттским газетам материалов о жизни Г.С. Лебедева в Индии, найдены новые данные о его участии в концертах и прямое подтверждение того, что он сам писал исполнявшуюся им музыку. В Российском государственном архиве Военно-морского флота были скопированы, исследованы и впервые опубликованы с большой сопроводительной статьей письма Г.С. Лебедева будущему кругосветному мореплавателю, а в ту пору молодому русскому офицеру, стажировавшемуся на британском корабле, И.Ф. Крузенштерну. Эти письма позволили добавить немало нового к тому, что было ранее известно об обстоятельствах отъезда Лебедева из Калькутты и о тяжелых испытаниях, пережитых им в пути [Васильков 2012].

Внимательное изучение ранее игнорировавшейся исследователями третьей сцены второго акта пьесы «Притворство» — сцены в адвокатской конторе, игравшейся на английском языке, позволило сделать вывод о том, что причиной решения колониальных властей любой ценой избавиться от Лебедева могла стать именно эта сцена, расцениваемая как резкий антиколониальный выпад [Васильков 2016]. Наконец, по электронной базе данных Библиотеки Принстонского университета посчастливилось найти в лондонских газетах серию объявлений и программу организованного Лебедевым концерта в Лондоне 17 марта 1800 г. Эта программа свидетельствует об очень высоком уровне Лебедева как музыканта, поскольку с ним вместе выступали выдающиеся лондонские музыканты и певцы. Лебедев представлял не только собственный виолончельный концерт, но и свою «Индийскую серенаду», в которой он экспериментально сочетал звучание индийских и европейских музыкальных инструментов. Таким образом, открылась новая, совершенно неизвестная страница творческой биографии Г.С. Лебедева [Васильков 2017].

Участники петербургской группы разрабатывают в последние годы и другие аспекты лебедевской темы. Е.Р. Крючкова на основе опубликованных сочинений Г.С. Лебедева и архивных материалов дала краткую характеристику его как лингвиста [Крючкова 2010], а затем приступила к изучению (до того никем не предпринимавшемуся) «Арифметических таблиц», т.е. той из двух «математических рукописей», в которой Г.С. Лебедев излагает индийские правила счета [Крючкова 2011]. Продолжая исследование лебедевского перевода «Биддешундор», Е.К. Бросалина в статье, написанной совместно с молодым бенгалистом А.Л. Сладковым [Бросалина, Сладков 2009], дала наиболее полное на сегодня описание рукописи Г.С. Лебедева «Красота учености», состоящей из бенгальского текста, его кириллической транскрипции и пословного перевода (РГАЛИ, ф. 1673 [А.С. Шишков], оп. 1, № 12). Здесь, как и в более поздней статье того же автора [Бросалина 2010], высказывается перспективное предположение о том, что «именно популярность этой любовной истории (о Бидде и Шундоре, героях поэмы Бхаротчондро Рая. — *Я.В.*) в формате народного театрального действия (джатры. — *Я.В.*) навела Г.С. Лебедева на мысль исполь-

зывать некоторые его приемы (музыкальное оформление, традиционные хоровые и танцевальные интермедии, отдельные стихотворные фрагменты) при постановке пьесы Р.П. Джодрелла, что и обеспечило его представлениям шумный успех среди местной элиты».

В 2009 г. благодаря активной научно-организационной деятельности ученых-историков и культурной общественности города Ярославля, прежде всего координатора всех усилий профессора В.В. Черновской, начался новый этап изучения жизни и деятельности Г.С. Лебедева российскими учеными. 15–16 декабря в Ярославле состоялась Международная конференция «Герасим Лебедев и его время», на которой российские исследователи впервые встретились с некоторыми коллегами из Индии. Это были профессор Арчан Саркар и доктор Лили Банерджи из Калькуттского университета, профессор Д. Трипатхи из Ахмедабада и Гаутам Гхош, сотрудник российского культурного центра «Горки садан» в Колкате. Их доклады были посвящены описанию культурной среды современной Лебедеву Калькутты, вкладу Лебедева в развитие индийского (бенгальского) театра, а также его индологическим трудам. Таким образом, были установлены наши первые контакты с индийскими коллегами.

Петербургские индологи впервые познакомились на этой конференции и с учеными-историками города Ярославля, к тому времени уже более десяти лет занимавшимися биографией и наследием Г.С. Лебедева. М.Г. Ваняшова в докладе «Герасим Лебедев: режиссерские интерпретации пьес Мольера и Р. Джодрелла на сцене бенгальского театра (к проблеме единства творческой и бытийной биографии)» (см.: [Ваняшова 2010]) высказала и развила в числе других одну чрезвычайно плодотворную идею. Она последовательно рассмотрела выбор Лебедевым для перевода определенных европейских пьес, характер их адаптации и режиссерского прочтения в прямой связи с мироощущением Лебедева, его судьбой, личными переживаниями и «экзистенциальными признаниями», которые не раз прорываются в таких его текстах, как «Меморандум» или письмо к А.А. Самборскому.

Результаты большой, кропотливой работы в архивах суммированы в докладе Н.С. Землянской «К вопросу о происхожде-

нии Г.С. Лебедева». К сожалению, не все архивы, содержащие исповедные росписи, метрические и клириковые книги церковью Ярославской области, оказались доступны автору, и итоговая картина неполна. Возможно, именно поэтому семью священника Степана (Стефана) и Парасковьи Лебедевых с детьми Антонидой, Афанасием, Герасимом и Трефилом в старом Ярославле или Ростове обнаружить пока не удалось. В статье по докладу [Землянская 2010] даются, однако, сведения о распространении фамилии «Лебедев», имен «Герасим», «Стефан» «Прасковья» в Ростове и Ярославле главным образом в среде духовенства. Интересна попытка Н.С. Землянской примирить две основные гипотезы происхождения семьи Лебедевых: «ярославскую» и «украинскую». Она считает возможным, что представители этого рода могли прибыть с Украины и преподавать в Ростове или Ярославле в одном из духовных учебных заведений. Интересно и предположение о том, что «утеснение родителя», из-за которого юный Герасим до 1763 г. не получал никакого образования, может быть связано с деятельностью митрополита Арсения Мациевича, который отличался необычайной требовательностью и строгостью в отношении преподавателей возглавлявшейся им Ярославской духовной семинарии. Примечательно, что низвержение митрополита (лишение сана, ссылка, затем арест и заточение в крепость) имело место именно в 1763 г., а главную роль в его окончательном падении сыграл иеродиакон с фамилией «Лебедев» (Июсаф Лебедев). В конце статьи, написанной по материалам доклада, Н.С. Землянская приводит полезный список архивов, в которых следует искать документы, относящиеся к происхождению Г.С. Лебедева.

Во время конференции петербургские индологи впервые познакомились и с переизданием «Безпристрастного созерцания», увидевшим свет в Ярославле в том же году [Лебедев 2009]. Эта книга была издана в основном усилиями двух человек. В.В. Черновская написала предисловие «Об авторе и его книге», в котором вкратце рассказано о пребывании Лебедева в Индии, причем ответственность за уничтожение «Бенгальского театра» и травлю его основателя справедливо возложена здесь не на менеджера театра Ост-Индской компании Т. Роуворта, но на коло-

ниальные власти Британской Индии. Причиной названо то, что «метрополия навязывала индийцам превосходство своей цивилизации. Театр, устроенный Г.С. Лебедевым, утверждал идею равенства европейцев и индийцев, диалог культур, что было чуть ли не оскорблением национальной гордости англичан» [Черновская 2009: 6]. Далее в статье характеризуется содержание каждой из частей книги Лебедева, а также уделено особое внимание редко затрагиваемой исследователями теме: лебедевскому проекту установления прямых торговых связей между Россией и Индией. В самом начале статьи есть одно ценное наблюдение: посвящение книги императору Александру I свидетельствует, что лебедевский труд проходил, по установленному порядку, экспертизу в том ведомстве, в котором служил автор. Обосновать значимость сочинения Лебедева должен был глава МИД и государственный канцлер А.Р. Воронцов. Таким образом, «формула посвящения монарху, которой удостоилось “Беспристрастное созерцание”, заключала в себе официальное признание заслуг Г.С. Лебедева перед отечеством» [Черновская 2009: 4].

Вкладом В.В. Черновской является также составление комментариев к книге и удачный подбор цветных иллюстраций с видами современной Лебедеву Калькутты и других городов Индии.

Вторым деятельным участником этого издания стал директор выпустившего книгу издательства «Академия развития», филолог по образованию М.А. Нянковский. Он взял на себя непростой труд «модернизировать» язык Герасима Лебедева, сделать его доступным и понятным современному читателю. Надо признать, что сделал он это осторожно и вдумчиво, строго следуя принципам, которые были позднее изложены в его сообщении на конференции [Нянковский 2010]³².

---

³² Вызывает, однако, возражение замена в названии книги слова «Брамгенов» на «Брагменов», по-видимому, с целью сделать читателю понятным, что речь идет о брахманах. В написании слова Лебедевым нет случайной ошибки, в нем отражена характерная бенгальская метатеза *hm > mh*. Возможно также, что издатель воспроизвели опечатку в тексте книги, набранном Е.Р. Крючковой на сайте Института лингвистических исследований <<https://iling.spb.ru/projects/lebedev.html>>.

Контакты российских ученых с индийскими продолжились и расширились в ходе семинара, организованного в Калькутском университете в 2011 г. С рассказа об этом событии мы и начали книгу. Можно было бы сказать, что уже тогда начался обмен идеями между специалистами из двух стран, если бы не одно грустное обстоятельство. Результаты семинара по неизвестным нам причинам не были закреплены в виде сборника статей, хотя тексты многими участниками были сданы организаторам конференции. Впрочем, благими следствиями встречи в Колкате можно считать издание в Индии бенгальского перевода «Безпристрастного созерцания» и издание в России русского перевода книги Хаята Мамуда [Мамуд 2012].

Мы не оставляем надежды на то, что в ближайшем будущем нам удастся завязать активный диалог с индийскими коллегами. С этой целью мы готовим сейчас всероссийскую конференцию по Г.С. Лебедеву с участием индийских ученых в Петербурге. По материалам конференции предполагается подготовить и опубликовать затем сборник статей на русском и английском языках.

Завершая на этом рассказ о проблемах, истории и современном состоянии изучения лебедевского наследия в России и Индии, приступим теперь к последовательному изложению биографии Г.С. Лебедева, такой, как она видится сегодня. Особое внимание будет уделено тем проблемам, которые и сейчас остаются спорными, а также находкам, которые удалось сделать в последние годы.